

Другая ЕВРОПА

The Other EUROPE

The Other EUROPE

La Grande
EUROPE
des NATIONS,
une réalité pour
demain?

Другая ЕВРОПА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Большая
ЕВРОПА
НАЦИЙ

МОСКВА
Фонд исторической перспективы
2016

ББК 66.4(0)

Б 79

Издание осуществлено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 №79-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

Редактор – *Е.А. Бондарева*.

Составитель – *Дж. Локленд*.

Перевод с французского языка *Е.О. Аврорина* по изданию:

La Grande Europe des Nations, une réalité pour demain? – Paris: Editions APOPSIX, 2014.

Перевод с английского языка *Д.А. Карпухиной*.

Художник – *А.Ю. Никулин*.

Б 79 **Большая Европа наций** : Сборник статей / Сост. Дж. Локленд. – М.: Фонд исторической перспективы, 2016. – 128 с.

ISBN 978-5-903311-25-5

Настоящий сборник содержит доклады известных европейских и российских политиков, дипломатов, ученых и военных экспертов, принявших участие в конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?». Главной темой международного форума, прошедшего 10 июня 2013 года в Национальном собрании Франции, стало обсуждение интеграционного проекта стран Старого света, включая Россию. Организаторами научного мероприятия выступили российский Институт демократии и сотрудничества (Париж) и Движение за европейскую конфедерацию. В издании также опубликована статья доктора философии, участника форума «Петербургский диалог» Хауке Ритца, в которой на широкой теоретической базе рассматривается идея Большой Европы.

Издание адресовано студентам, преподавателям, а также широкому кругу читателей и рекомендуется для изучения исторических процессов.

© Составление, Джон Локленд, 2016.

© Хауке Ритц, 2016.

© Фонд исторической перспективы, 2016.

ISBN 978-5-903311-25-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Джона Локленда	6
Тьерри Мариани. Россия и Евросоюз: разногласия и точки соприкосновения	9
Ален Бурназель. Россия – будущее Европы.	17
Сергей Глазьев. Создание Евразийского экономического союза и перспективы его сотрудничества с Европейским Союзом	21
Михаил Ремизов. Перспективы сотрудничества между НАТО и ОДКБ	31
Жиль Реми. Является ли Евросоюз препятствием к созданию Большой Европы?	40
Стефан Бюффето. Энергетическая зависимость Евросоюза.	55
Жан Дюфурк. Европа от Атлантики до Урала и от Нордкапа до Сахеля, или Пространство безопасности, которое предстоит создать	65
Ален Корвез. НАТО – препятствие для создания Большой Европы наций	75
Александр Трубецкой. Франция и Россия: преимущества долгосрочного партнерства	85
Иван Бло. Россия и Европа перед угрозой упадка ценностей	91
Наталья Нарочницкая. Размышления о проблеме «Россия и Европа» . . .	100
Хауке Ритц. Утраченное культурное единство Большой Европы и новая холодная война	113

Предисловие Джона Локленда¹

Концепцию «Большой Европы» часто приписывают генералу де Голлю, но Шарль де Голль никогда не говорил о Европе «от Атлантики до Урала». Эту вымышленную фразу часто и неправильно цитируют, чтобы заставить поверить, будто генерал призывал к политическому единству в масштабе всего континента. Но, на самом деле, все обстояло совершенно иначе, и, когда генерал де Голль, действительно, употреблял выражение «от Атлантики до Урала», говоря о Европе, он, возможно, как раз отказывал Европе в претензиях на политическую роль, описывая ее в чисто географических терминах. Предполагать, что де Голль стремился к созданию Большой Европы совершенно неверно, поскольку для него имела значение только Франция.

Для тех, кого страшит антидемократическая пропасть, которая пролегла сегодня между европейскими элитами и их избирателями, а также исчезновение политического фактора в результате достойного сожаления сужения разрешенных рамок политической дискуссии в Европе, где у власти стоит единственный политический класс, включающий как «правых», так и «левых» и имеющий трансна-

¹ Джон Локленд – британский журналист, ученый и писатель. Директор исследовательских программ российского Института демократии и сотрудничества в Париже, доктор философии (Оксфордский университет), доктор наук (степень получена во Франции). Речь была произнесена на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», которая состоялась 10 июня 2013 года в Национальном собрании Франции.

циональный характер, необходимо уточнить, что подразумевается под «Большой Европой наций».

Если мы выбрали эту фразу для проведения коллоквиума в Национальном собрании Франции, то не для того, чтобы выступить за дальнейшее расширение Европейского Союза. Он и так уже слишком стремительно расширяется и сталкивается с организационными проблемами, которые изменили саму его природу. Напротив, мы стремимся вернуть Европе как таковой ее подлинное величие в качестве географического пространства от Атлантики до Урала. Это величие заложено в европейских нациях, представляющих собой подлинные политические храмы, создававшиеся на протяжении столетий. Оно заложено в великолепии блестящей европейской цивилизации, которая достигла высот политической культуры и отражает на человеческом уровне сочетание открытости миру и толерантности. Иными словами, Европа сможет вновь обрести свое величие, когда откажется от бездумного стремления к постнационализму, постмодернизму и постисторизму, когда расторгнет европейские договоры и порвет с брюссельскими структурами.

Россия призвана сыграть ключевую роль в этом прекрасном проекте. Проводя политику «Восточного партнерства», брюссельские структуры пытаются реанимировать под новыми знаменами давнюю геополитическую мечту и вытеснить Россию как можно дальше от Европы, в сторону севера и востока. Политика добрососедства была на самом деле политикой геополитической, геостратегической, а также идеологической враждебности по отношению к России. В течение 70 лет у власти в России стоял социалистический режим, от которого она избавилась в конце 1980-х годов и стала проводить социальную политику откровенно правого толка. При этом она ставила

перед собой цель обеспечить будущее нации, сделав попытку возродить традиционные христианские ценности, которые на протяжении двух тысяч лет являлись основополагающими для всех поколений европейских лидеров. И если Россия стала для ЕС гадким утенком и жупелом, то это потому, что Европейский Союз стремится покончить с этими ценностями, включающими в себя нацию, семью, долг, труд и честь.

В силу этого тот, кто говорит о России как о части «великой Европы наций», подрывает идеологическую основу существующего так называемого европейского проекта. С целью разъяснить наши позиции мы и организовали коллоквиум в Национальном собрании и надеемся, что публикация его материалов закрепит успех этого мероприятия и станет вехой на долгом пути возвращения Европы к национальному величию и традиционным ценностям.

Тьерри Мариани²

Россия и Евросоюз: разногласия и точки соприкосновения

Дамы и господа!

Прежде всего позвольте мне поприветствовать вас и выразить горячую благодарность Институту демократии и сотрудничества и Движению за европейскую конфедерацию за организацию этого коллоквиума.

Мне хотелось бы также поблагодарить всех участников, которые оказали нам честь, решив поделиться своим опытом и мнениями по вопросу, который в настоящее время приобретает принципиальное значение, учитывая, с одной стороны, частичный провал европейской политической модели и, с другой стороны, географическое смещение основных центров мировой активности.

Когда мы говорим о Большой Европе, неизбежно встает вопрос о характере наших отношений с Россией, которая, в свою очередь, стала понимать, что существует и иной путь помимо европейского сотрудничества. Я, в частности, имею в виду Таможенный и Евразийский Союзы. В связи с этим модель строительства Европейского Союза, который слишком часто воспринимается как империалистический

² Тьерри Мариани – депутат Национального собрания Франции от французских граждан, проживающих за границей, министр транспорта Франции (2010–2012), сопрезидент Ассоциации «Франко-российский диалог». Речь на открытии конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

и гегемонистский, может создать препятствия для создания Большой Европы.

Так, несмотря на некоторые успехи, достигнутые в последние годы, отношения между Россией и Европейским Союзом (ЕС) представляются неудовлетворительными и ставят под вопрос успех проекта «Большая Европа наций». Европейский Союз и Россия во многом дополняют друг друга и должны воспользоваться этим, приняв возможность существования двух крупных объединений со своей особой историей.

1. Прежде всего, учитывая существующую реальность, необходимо напомнить, что для выстраивания наших отношений с Россией нужно преодолеть имеющиеся конфликты и разногласия, например, в том, что касается Сирии, и рассуждать в долгосрочной перспективе. При этом определяющим фактором является общность культуры. Совершенно очевидно, что Россия – страна европейской культуры. Если бы европейцы решили поместить на банкноты портреты своих великих людей, то великие русские писатели и музыканты были бы достойными кандидатами, хотя Россия и не является членом ЕС.

2. Но если отношения между Европейским Союзом и Россией представляются неудовлетворительными, ответственность за это лежит на обеих сторонах.

Так, отношения между Европейским Союзом и Россией стали портиться начиная с 1990-х годов. В то время Россия переживала жесточайший политический и экономический кризис и сильно зависела от западной помощи. Однако объем этой помощи был несопоставим с тем, что Европа в свое время получила по плану Маршала. Более того, у Европы не было четко определенной политики в отношении России. Возможно, это объяснялось пережитками холодной войны и тем, что некоторые рассматрива-

ли ослабление имперской мощи России в качестве победы Запада...

Кроме того, Европейский Союз постоянно навязывал России то, что он называл «передовым опытом». Определенный Европейским Союзом в качестве передового, этот опыт далеко не всегда подходил другим странам, которые не спешили следовать всем рекомендациям Брюсселя. Ведь Европейский Союз отнюдь не является истиной в последней инстанции! Россия не обязательно должна была разделять подход Брюсселя к «всеобщим ценностям», вытекающим из политического, социального и экономического контекста, свойственного истории Евросоюза. Когда Европа с жаром защищала права ЛГБТ-сообщества, которое стремилось навязать обществу самую настоящую диктатуру мысли, Россия не считала такой подход проявлением «всеобщей ценности», которую она могла целиком и полностью разделять... Именно это вечное стремление Брюсселя к навязыванию собственной модели тормозило более тесные партнерские отношения с Россией. Сегодня «золотое слово» ЕС должно служить руководством к действию везде и для всех, вплоть до того, что даже существует европейский Регламент, определяющий «разрешенные пределы содержания экзотоксинов в живых двустворчатых моллюсках!..».

Со своей стороны, русские никогда особо не стремились вести переговоры непосредственно с ЕС. Это связано с тем, что у Москвы и Брюсселя слишком разные подходы к принятию решений. Так, для Брюсселя характерны бюрократические проволочки, формальный культ прозрачности принятия решений. Кроме того, у ЕС явно просматривается стремление к чисто тактическому использованию принципа «Разделяй и властвуй». Россия также сознает, что враждебность к ней со стороны некоторых стран Вос-

точной Европы является непреодолимым препятствием для диалога с Евросоюзом. Вот почему русские предпочитают двусторонние отношения с ведущими странами Западной Европы, такими как Германия и Франция, с которыми они находят точки соприкосновения или общие интересы. Это касается даже Польши, которая несколько изменила свое отношение к России.

3. Сегодня создается впечатление, что институциональные отношения между Евросоюзом и Россией застыли в атмосфере взаимного и все возрастающего безразличия. Так, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, вступившее в силу в 1997 году, так и не было продлено. И хотя переговоры продолжаются уже 5 лет, похоже, что никто не спешит его продлевать, по крайней мере, в Брюсселе. Тем временем Европейский парламент регулярно принимает резолюции о правах человека, а российское руководство столь же регулярно высмеивает их, играя на патриотических чувствах...

4. Однако Россия и Евросоюз прекрасно дополняют друг друга:

– **Россия обладает территорией**, которая в четыре раза больше территории ЕС (17 и 4 млн кв. км), а также природными и энергетическими ресурсами. Мы можем позавидовать ее темпам экономического роста (более 3%), несмотря на тенденцию к его замедлению. Кроме того, у России положительное сальдо торгового баланса, а состояние ее государственных финансов такое, что мы можем об этом только мечтать. Так, ее государственный долг составляет всего 8% ВВП, бюджет почти уравновешен по расходам и доходам, а валютные резервы более 500 млрд долларов. По этим показателям Россия занимает четвертое место в мире после Китая, Японии и Саудовской Аравии.

– **К преимуществам ЕС можно отнести количество населения** (более 500 млн против 143 млн), а также уровень развития и качество работы предприятий. И, в самом деле, европейские, особенно французские предприятия, занимают очень выгодное положение, позволяющее им вносить свой вклад в решение структурных проблем России, которые касаются, в частности, банковского сектора и создания объектов инфраструктуры. Это именно те области, в которых мы располагаем мощными, эффективными и признанными во всем мире стандартами.

С геополитической точки зрения Россия и ЕС имеют общие долгосрочные интересы. Они связаны с возрастающей мощью Китая, нарастанием хаоса (революции, приводящие к гражданским войнам, гонка вооружений, расползание атомного оружия, терроризм) на южном фланге (от Сирии до Пакистана).

5. Франция, которую связывают с Россией долголетние отношения дружбы, уходящие в историю, и культурный обмен, только выиграла бы от укрепления франко-российских связей. Это, в свою очередь, подразумевает улучшение отношений между ЕС и Россией.

У Франции и России довольно схожие позиции в том, что касается международных отношений: обе придают большое значение многосторонним отношениям и роли международных организаций, начиная с Совета Безопасности ООН. Имеются также совпадения точек зрения по некоторым актуальным проблемам: Мали, Иран и т.д.

Экономические связи между двумя странами значительно укрепились, и не вызывает сомнения, что среди стран с развивающейся экономикой именно с Россией у Франции сложились самые взаимовыгодные и гармоничные экономические отношения. Достаточно сказать, что по объемам импорта и экспорта Россия занимает 10-е место

среди торговых партнеров Франции, и 3-е место среди стран, не входящих в ЕС, а также Швейцарии. По этому показателю она идет после Китая и США, опережая Японию, Корею и другие страны с развивающейся экономикой. Французские предприятия широко инвестируют в Россию. Так, Франция занимает 3-е место среди иностранных инвесторов, особенно в некоторых секторах экономики (наши автомобилестроители контролируют треть российского автомобильного рынка, а французский банк «Сосьете Женераль» управляет 3-м по величине российским частным банком). Но при этом российские инвестиции во Францию на порядок меньше, и Россия занимает лишь 36-е место среди иностранных инвесторов.

6. Поэтому необходимо рассмотреть возможность улучшения отношений между Россией и Францией. С этой целью можно только приветствовать перспективу скорейшего заключения соглашения по очень конкретному вопросу, имеющему определяющее значение для улучшения текущих отношений в экономической, культурной и гуманитарной областях. Речь идет о визах. Франция выдает россиянами 350 000 виз в год, и тут многое можно сделать хотя бы для развития туризма, не говоря уже об остальном.

В более долгосрочной перспективе улучшению отношений между ЕС и Россией могло бы способствовать снижение уровня конкуренции в том, что Европа называет «Восточным партнерством». Это страны, входящие в «ближнее зарубежье России», а именно: Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Закавказья. Некоторые из этих стран выразили желание вступить в ЕС, но эта перспектива представляется все более отдаленной по целому ряду причин.

– Некоторые из стран, в которых произошли «цветные революции», не оправдали надежд. Речь идет, в частно-

сти, об Украине, экономическое положение и качество управления которой вызывают опасения.

– У ЕС существует собственная приоритетная задача – преодоление экономического кризиса.

– Это и собственно кризис, углубление которого выявило хрупкость европейской солидарности. На его фоне проявились недостатки функционирования ЕС в составе 27, а скоро и 28 членов. Речь идет о противоречиях между странами-членами в подходе к кризису и спорах о будущем еврозоны. И, в самом деле, невозможно претендовать на статус интегрированного сообщества, предоставляя одинаковые возможности принятия решений и блокирования их государствам, насчитывающим несколько сотен тысяч жителей, и странам с населением в 60 или 80 млн человек. Таким образом, независимо от выбора в пользу большей или меньшей степени федерализма либо учета экономического веса и населения тех или иных стран в процессе принятия решений, а также распространения или нераспространения на всю Европу «усиленного сотрудничества» этот выбор должен быть сделан до приема новых членов.

Если Европа умерит свои амбиции в отношении дальнейшего расширения на Восток, она сможет не вступать в конфронтацию с Россией, не отказываясь при этом от проведения собственной политики. В течение ближайших месяцев так произойдет или не произойдет с Украиной. Все будет зависеть от заключения или отказа от заключения договора об ассоциации.

И, наконец, главный вопрос заключается в том, можно ли проводить более позитивную политику, предусматривающую сотрудничество между ЕС и создающимся Евразийским Союзом. Европейцы могут, по крайней мере, гордиться тем, что эта структура строится по европейской

модели, в которой приоритет отдается экономической интеграции и таможенному сотрудничеству. На саммите в Екатеринбурге Президент России Владимир Путин и председатель Европейского совета **Херман Ван Ромпей** высказали пожелание, чтобы Европейская комиссия нашла возможности налаживания сотрудничества между двумя Союзами. Осталось наполнить их конкретным содержанием.

Ален Бурназель³

Россия – будущее Европы

Отношения между народами Европейского континента по-прежнему остаются парадоксальными. Так, на протяжении веков, когда далекие путешествия были сопряжены со сложностями, люди часто перемещались между западом и востоком Европы, причем обе части континента проявляли взаимный интерес. Петр I посещал Нидерланды и Францию, а Екатерина Великая принимала у себя Дидро. Огромные пространства Сибири служили источником вдохновения для Жюль Верна, который открыл их для своих читателей через путешествия Михаила Строгова⁴.

Но свобода и открытость закончились в результате потрясений, вызванных Первой мировой войной. В бывшей царской России установился коммунистический режим, и между двумя частями Европы надолго пролегла глубокая пропасть. Свобода личности подверглась жестокому испытанию, а люди стали жертвами кровавой диктатуры.

Вторая мировая война временно объединила противников нацистского режима. Пример эскадрильи «Нормандия-Неман» был ярким свидетельством братства по оружию Франции и России. Но уже в сентябре 1947 года

³ Ален Бурназель – высокопоставленный чиновник и французский политик, президент Движения за европейскую конфедерацию. Речь на открытии конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

⁴ «Михаил Строгов: курьер царя» – приключенческий роман Жюль Верна, написанный в 1874–1875 годах. – *Прим. изд.*

был создан Коминформ (Коммунистическое информационное бюро), в феврале следующего года произошел переворот в Праге, затем (с июня 1948-го по май 1949 года) была блокада Берлина, а потом СССР обзавелся атомным оружием. Все эти события способствовали разрыву отношений. Раздел Европейского континента еще более углубился в результате создания коммунистических режимов в странах Центральной Европы. Восточная Европа на многие десятилетия оказалась за непроницаемым железным занавесом. В это время в Западной Европе появился Североатлантический блок (НАТО) в качестве ответа на советскую угрозу с востока.

Крах советской системы привел к тому, что Западная Европа стала пересматривать отношения с Россией. Однако еще на протяжении нескольких лет психология времен холодной войны определяла образ действий тех, кто не мог до конца поверить в исчезновение СССР и в колоссальные изменения, которые происходили в границах этого огромного государственного образования. Да, новая Россия не лишена слабостей. И если ей удалось преодолеть демографическую катастрофу, она все еще с трудом приспосабливается к меняющемуся миру. Однако следует раз и навсегда отказаться от отождествления сегодняшней России с бывшим СССР.

Современная Россия является развитой, а не развивающейся страной, как некоторые все еще продолжают утверждать. 100% российских детей получают школьное образование. Как и в Западной Европе, дети пользуются Интернетом. В России справедливо подвергаются осмеянию перекосы плановой экономики.

Экономика современной России является рыночной. Тот факт, что Россия одновременно и развитая страна, и страна с большим потенциалом развития, отличает ее от

многих других. Эта особенность объясняется огромной территорией, которая, как известно, занимает пространство между Европой и Северной Азией. Ее площадь составляет 17 млн кв. км. Это самая большая страна мира. Она в два раза больше США и в 31 раз больше Франции.

На просторах России расположены богатые залежи полезных ископаемых и энергетических ресурсов. Они определяют главное стратегическое преимущество России. Так, Газпром занимает первое место в мире по добыче газа. Через Россию проходят основные маршруты экспорта углеводородного сырья. «Дружба» – крупнейший нефтепровод в мире – проходит по территории России. Но менее известен тот факт, что капитализация России занимает высшие строчки на европейских биржах. Напомним также, что в международном плане Россия является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и центром Содружества Независимых Государств (СНГ), который объединяет большинство республик бывшего СССР. Не будем забывать и о том, что православие, которое насчитывает множество адептов в России, придает ей единство и сплоченность, которые отсутствуют во многих западных странах.

Исходя из сказанного выше Россия является одновременно развитой страной и страной с развивающейся экономикой, поскольку обладает большим потенциалом развития. Франция и другие европейские страны должны понять, что сегодня Россия – составная часть Европы. Но она еще и будущее Европы. Генерал де Голль был из числа тех редких людей, которые предвидели такое будущее. Достаточно сказать, что он никогда не употреблял слово СССР, а всегда говорил Россия. Вот что он однажды заявил в телевизионном интервью: «Мы сожалеем о том, что Россия является коммунистической, но не думаем,

что это навсегда». Его визит в Россию, который состоялся в 1966 году, в значительной степени ускорил процесс разрядки и способствовал воссоединению двух слишком долго разобщенных частей Европы. Кроме того, генерал неоднократно говорил о договорной организации всей Европы, призванной обеспечить сотрудничество, свободу и мир.

Именно в этом направлении мы должны строить свою работу, именно эта задача стоит перед созданной мной ассоциацией «Большая Европа наций». Однако прежде чем откроется сегодняшнее заседание, я бы хотел выразить благодарность всем тем, кто содействовал проведению этого форума.

Сергей Глазьев⁵

Создание Евразийского экономического союза и перспективы его сотрудничества с Европейским Союзом

Для меня большая честь рассказать в стенах французского парламента о результатах нашей работы по формированию Евразийского экономического союза, в ходе которой мы широко использовали опыт европейской интеграции. Те фазы создания Евразийского экономического союза, которые мы прошли за последние четыре года, соответствуют историческим вехам, которые прошел Европейский Союз в течение двадцати лет.

Наши руководители неоднократно говорили о создании большого экономического пространства сотрудничества и развития от Лиссабона до Владивостока, где российские и европейские компании могли бы пользоваться рыночными свободами и объединять свои конкурентные преимущества для достижения совместных экономических результатов.

Я помню, как в начале девяностых годов наши правительства активно консультировались на этот счет. Более того, в подписанном тогда Соглашении о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом были поставлены амбициозные цели. Уже сегодня мы должны были бы

⁵ С.Ю. Глазьев – советник президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции, министр внешних экономических связей РФ (1992–1993), доктор экономических наук, академик РАН, профессор. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

жить в условиях свободной торговли, если бы тот график сотрудничества, который тогда обсуждался, был выполнен. В двухтысячные годы президент России Владимир Путин неоднократно говорил о необходимости укрепления сотрудничества между Россией (теперь уже Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана) и Европейским Союзом. Те амбициозные цели, которые мы ставили в начале девяностых годов, по-прежнему остаются для нас первоочередными, и мы видим в сотрудничестве с европейскими компаниями широкие возможности для модернизации российской экономики, для того чтобы вместе выходить из экономического кризиса.

К сожалению, в течение последнего десятилетия наблюдается торможение переговоров по углублению сотрудничества между Россией и Европейским Союзом. Мы двинулись по пути создания нового регионального экономического объединения на условиях свободной торговли, общего рынка товаров, услуг, капитала и труда с Белоруссией и Казахстаном.

За три года был создан Таможенный союз. Мы приступили к этой работе в конце 2007 года и завершили ее в 2011 году. В 2011 году мы перешли к следующей фазе интеграции – созданию единого экономического пространства, ставя целью снятие торговых и прочих барьеров на пути движения товаров, услуг, капитала и труда.

Мы долго шли по этому пути. И хотя для многих наблюдателей создание Таможенного союза оказалось неожиданностью, все время после распада Советского Союза мы ставили перед собой цель – снятие негативного влияния государственных границ на торговлю и сотрудничество.

Еще в 1990 году, когда существовал Советский Союз, в планах по переходу к новому государственному устрой-

ству (ныне – постсоветскому пространству) была зафиксирована цель – не допустить разрыва торгово-экономических связей.

Поэтому с 1991 года мы сохраняем отношения свободной торговли. У нас в течение всех этих лет существовала свободная торговля, основанная на двухсторонних договорах между Россией и другими государствами постсоветского пространства.

В 1994 году было подписано первое соглашение по единому экономическому пространству, в котором участвовала также Украина. Это соглашение по ряду причин не было реализовано, но тем не менее движение в этом направлении продолжалось.

Логика интеграционных процессов на постсоветском пространстве в целом не отличается от мер, предпринятых Европейским Союзом. В позапрошлом году мы от двухсторонних отношений свободной торговли перешли к многосторонним отношениям, которые работают по всему спектру товаров за исключением сахара, табака и алкоголя. В период с 2007 по 2011 год был создан Таможенный союз. Сейчас мы работаем над реализацией общего пространства, общего рынка услуг, товаров, капитала и труда.

Цели нашего интеграционного процесса. К настоящему времени мы достигли эффекта снятия таможенных границ. Между Россией, Белоруссией и Казахстаном более не существует таможенных границ. И в течение первых двух лет работы единой таможенной территории мы получили очень хороший эффект. Объем взаимной торговли вырос почти вдвое. Необходимо сказать, что распад Советского Союза и появление государственных границ негативно отразились на экономической активности наших государств. Примерно половина из двукратного падения

объема промышленного производства приходится на разрыв хозяйственных связей между крупными корпорациями, которые работали в советский период и которые затем трансформировались в независимые частные предприятия, но не смогли сохранить кооперационные связи. За счет этого мы потеряли $\frac{1}{4}$ промышленного производства, поэтому снятие таможенных границ восстанавливает кооперацию, позволяет сократить торговые издержки и пользоваться максимально либеральным режимом взаимной торговли, который дал двукратное увеличение ее объемов в течение первых двух лет работы Единой таможенной территории.

В настоящее время работает единый Таможенный Кодекс, то есть единая система таможенного регулирования, основанная на Международной конвенции по гармонизации и упрощению таможенных процедур, известной как Киотская конвенция. Создана общая система торговой политики, включающая в себя единый таможенный тариф, единую систему мер нетарифного регулирования торговли, общую систему санитарного, ветеринарного контроля, а также, начиная с позапрошлого года, мы принимаем единые технические регламенты – создается единая система технического регулирования.

Этапы интеграционного процесса. На сегодняшний день у нас действуют сто международных договоров, формирующих правовую базу Таможенного союза (далее – ТС) и Единого таможенного пространства (далее – ЕТП) и полторы тысячи решений наднационального органа – Комиссии Таможенного союза, которая называется Евразийская экономическая комиссия.

Текущая повестка дня интеграционной деятельности. Речь идет о списке соглашений. На их основании сегодня работает Единое экономическое пространство

(далее – ЕЭП), которое мы планируем полностью сформировать к 2015 году. ЕЭП предполагает передачу на уровень Евразийской экономической комиссии (далее – ЕАЭК) примерно 150 функций государственного контроля и регулирования торгово-экономических вопросов.

Наряду с уже упоминавшимися функциями таможенного контроля, приход к ЕЭП предусматривает выработку общих требований по субсидиям, что выравнивает условия конкуренции, по государственным закупкам, по вопросам создания общего рынка услуг по принципу национального режима, включая сюда энергетические, финансовые и транспортные услуги, гармонизацию антимонопольного регулирования.

Переход к единой системе тарифов по железнодорожному транспорту, по поставкам газа и других энергоносителей, по трубопроводному транспорту. Кроме того, необходимы соглашения, защищающие мигрантов, составляющих основу общего рынка труда, и общая система технических регламентов, которая уже сегодня насчитывает более тридцати технических документов в ключевых сферах экономической деятельности, связанных с безопасностью.

Краткая история нашей деятельности. Главным событием формирования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) стало принятие ровно три года назад нашими правительствами решения, что все три члена ТС вступают в ВТО как единая таможенная территория. Должен сказать, что оппоненты развития российско-европейской интеграции нам постоянно твердили: давайте, мы отложим создание преференциальных торговых режимов между Россией и ЕС до того момента, когда Россия вступит в ВТО.

9 июня 2009 года наши премьер-министры приняли решение, что Россия, Белоруссия и Казахстан начинают

вести переговоры с единых переговорных позиций, и мы не стали дожидаться вступления каждого государства в ВТО по отдельности, поставив тем самым цель создания ТС.

Мы оказались правы, потому как после этого решения переговоры о присоединении России к ВТО пошли гораздо быстрее и энергичнее. В результате сегодня Россия является членом ВТО вместе с таможенными территориями Белоруссии и Казахстана, хотя Белоруссия и Казахстан не являются членами ВТО. Вступив в ВТО, Россия вошла в него всей единой таможенной территорией ТС. И этого препятствия на сегодняшний день более не существует. Отныне мы можем говорить с ЕС на одном языке и двигаться навстречу друг к другу, имея единообразную систему регулирования торгово-экономических отношений.

Как я уже сказал, около 150 функций уже передано на наднациональный уровень. И здесь мы во многом шли по пути ЕС, однако поставив определенные пределы нашей экономической интеграции. Должен сказать, что ЕАЭС, переход к которому планируется в 2015 году, будет работать в этих пределах. Речь идет о том, что мы формируем общие рынки товаров, услуг, капитала и труда, при этом мы не ставим перед собой цели создания ни монетарного союза, ни объединенного парламента.

Мы ограничиваем нашу интеграцию сугубо экономическим регулированием, и в этом заключается сущность Евразийской экономической интеграции. Хотя мы движемся очень быстро. Напомню, что идея Евразийского союза была впервые сформулирована сто лет назад в философской школе Трубецкого, затем – в работах Льва Николаевича Гумилева, столетие которого мы отмечаем в прошлом году.

В начале 90-х годов президент Казахстана господин Назарбаев выступил с программной речью в Московском го-

сударственном университете, где изложил современное видение Евразийской экономической интеграции. Этот проект, который стал одним из главных проектов восстановления экономического потенциала на этой большой территории, для российского руководства основан на уважении государств друг друга, на признании независимости каждого из государств. В его основе лежит принцип добровольности – интеграция не навязывается, а является логичным ответом на общеэкономические вызовы.

Каждое государство может само выбирать скорость участия в интеграционных процессах. В этом отличие Евразийской интеграции от предыдущих форм интеграции, которые были в Советском Союзе, в Российской империи. Отличие заключается в том, что мы формируем общее экономическое пространство при сохранении суверенитета участвующих в этом процессе государств. Тот круг функций, который мы передаем на наднациональный уровень, строго ограничен.

Возможно, в дальнейшем мы будем укреплять, усиливать роль наднациональных органов, но на сегодняшний день это вопросы исключительно регулирования торговли, таможенного дела, выстраивания общего торгового режима с другими государствами на основе принципов ВТО. Должен отметить, что та система управления, которая у нас сложилась на сегодняшний день, предполагает оставить в ведении национальных структур такие вопросы, как государственное управление, административное законодательство, уголовное законодательство, законодательство о государственной службе.

Решения наднационального органа – это решения прямого действия, то есть они не требуют утверждения национальных правительств. Но мы реализуем принцип консенсуса при принятии этих решений для того, чтобы

избежать ситуации возникновения спорных вопросов, которые могут повлечь сбой в интеграционном процессе. Каждое государство обладает правом отменить решение Евразийской экономической комиссии в течение недели после принятия такового. Сама Евразийская экономическая комиссия устроена таким образом, что, наряду с международными чиновниками, которые формируют коллегия Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), существует совет ЕЭК, в котором участвуют вице-премьеры государств – членов ТС. В отличие от самой коллегии ЕЭК, где работают члены коллегии, которые действуют как чиновники международного уровня и принимают решения двумя третями голосов, все решения совета ЕЭК принимаются консенсусом. Здесь действует принцип, что все государства имеют право вето и все государства имеют абсолютно одинаковые права. Они делегируют по три человека в коллегия ЕЭК и имеют равные права участвовать в принятии решений. Должен сказать, что, так же как ЕС, мы приняли решение формировать бюджет комиссии, опираясь на сбор пошлин на импорт товаров. У нас все импортные пошлины собираются в общий котел и затем делятся исходя из доли государств в импорте единой таможенной территории по состоянию на 2007–2008 годы.

Такое разделение было очень важно для того, чтобы избежать конфликтов интересов. Должен сказать, что все 1,5 тысячи решений, которые на сегодняшний день приняты на наднациональном уровне, были приняты единогласно, то есть общность наших интересов превышает расхождения.

С ЕС у нас действует режим благоприятствования, так же как и с другими нашими партнерами по торговле, за исключением государств СНГ, а также Сербии и Черногории, с которыми действует режим свободной торговли.

В перспективе мы собираемся передать полномочия по ведению Евразийского экономического союза наднациональному органу – ЕЭК. Таким образом, формат взаимоотношений России и ЕС дополняется форматом взаимоотношений ЕС и ЕЭК.

Думаю, что в скором времени наши комиссары будут интенсивно друг с другом работать над подготовкой новой современной правовой основы для выстраивания нашего теперь уже многостороннего сотрудничества.

В заключение о перспективах расширения Евразийского экономического союза. У нас на сегодняшний день в интеграционном процессе участвуют 5 государств. Кроме 3 государств – членов ТС, в ЕАЭС, которое стало материнской организацией по отношению к ТС, входят Киргизия и Таджикистан. Киргизия уже два года находится в процессе присоединения к ТС. Это жизненно важно для киргизской экономики, большая часть экспорта которой направлена на Россию и Казахстан. Благодаря наличию общего рынка Киргизия сумела сегодня создать около 150 тысяч новых рабочих мест в швейной промышленности. Вся эта отрасль ориентирована на ТС, на потребление в России, Казахстане, Белоруссии. Киргизская электроэнергетика может развиваться с нашими инвесторами. То есть практически все важные для Киргизии направления экономического роста критическим образом зависят от их участия в нашем общем рынке. Поэтому присоединение Киргизии к ТС – это необходимое условие стабильности в этой стране.

Развитие евразийской экономической интеграции и расширение взаимоотношений наших интеграционных объединений очень важны для преодоления глобального кризиса, для выхода на траекторию устойчивого развития. Вы знаете, что Россия принимает в этом году у себя лиде-

ров 20 стран мира и могла бы выступить с совместными крупными проектами по стабилизации мировых финансов. В частности, можно было бы вспомнить французскую инициативу о введении налогов на финансовые транзакции. Имея такой налог, мы могли бы не только стабилизировать в определенной степени международные финансовые потоки, но и собрать значительные ресурсы для запуска серьезных проектов развития в интересах всей глобальной экономики, в интересах человечества, в интересах долгосрочного партнерства и сотрудничества. На это ориентирована политика президента Путина, на это ориентирована политика России и нашего евразийского интеграционного процесса.

Михаил Ремизов⁶

Перспективы сотрудничества между НАТО и ОДКБ

О перспективах сотрудничества НАТО и ОДКБ говорить сложно, поскольку на данный момент такого сотрудничества не существует.

В 2004 г. Советом коллективной безопасности ОДКБ было принято Решение об основных направлениях диалога и взаимоотношений ОДКБ с НАТО.

В документе констатировалась близость принципиальных позиций по противодействию основным вызовам и угрозам, намечалась повестка взаимодействия (включая традиционный набор позиций: противодействие терроризму, незаконному обороту наркотиков и оружия, нераспространение ОМП и т.д.) и предлагалось установление рабочих контактов. В следующем году отдельно была выделена тема противодействия наркотрафику и предложено сосредоточиться на ней.

Ответа на эти инициативы не последовало. Едва ли не единственным дипломатическим источником, выражающим отношение к инициативам ОДКБ, стала секретная американская телеграмма, которая позже обнаружилась в архиве Викиликс.

В ней говорится, что «было бы контрпродуктивно для альянса завязывать связи с ОДКБ – организацией, со-

⁶ М.В. Ремизов – политолог и публицист, президент Института национальной стратегии, кандидат философских наук. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

зданной по инициативе Москвы для противодействия потенциальному влиянию НАТО и Соединенных Штатов на постсоветском пространстве. ОДКБ показала себя неэффективной в большинстве сфер деятельности и оказалась политически расколотой. Связи НАТО с ОДКБ могли бы придать большую легитимность тому, что может быть увядающей организацией».

То есть резоны США и НАТО сводятся к тому, что:

- организация создана для противодействия влиянию США на постсоветском пространстве, и прежде всего, очевидно, в Среднеазиатском регионе,
- организация недееспособна – расколота и неэффективна.

В данном случае закрытая депеша выступает хорошим источником информации, поскольку в ней более откровенно, чем это могло бы быть выражено в официальном документе, выражены аргументы против сотрудничества НАТО с ОДКБ. Эти аргументы можно понять, но в основном они ошибочны.

Прежде всего несколько слов по поводу противодействия США в Центральной Азии.

Договор коллективной безопасности заключен в 1992 г. Организация на его базе создана в 2002–2003 гг.

Если присмотреться к этим датам, обнаруживается интересная вещь. Это два пика сближения России с США, точнее – ее максимальной лояльности по отношению к США.

1992 г. – этот период ассоциируется с «kozyревской дипломатией».

2002–2003 гг. – период безоговорочной поддержки операции США и коалиции в Афганистане, включая согласие на военное присутствие в государствах Средней Азии.

То есть в эти периоды явно преобладали иные мотивы, нежели противодействие США. И эти мотивы связаны прежде всего с трансграничными угрозами в Средней Азии. В начале 90-х – гражданская война в Таджикистане, которая была остановлена во многом благодаря России. В начале нулевых – активизация исламского экстремизма, не только в Афганистане, но и в государствах Средней Азии.

Иными словами, ОДКБ изначально больше ориентирована на угрозы, связанные с негосударственными субъектами, чем на задачи традиционного военного союза. Хотя они тоже присутствуют, и в определенной мере это ограничивает свободу рук для внерегиональных центров силы. Но характерно, что, когда, действительно, было противодействие присутствию США в регионе – вывод военных объектов из Узбекистана, это происходило по линии ШОС и было связано с позицией Ташкента после событий в Андижане, а не под давлением Москвы.

Если говорить по существу, противодействие влиянию США в регионе – не самоцель. Проблема в том, что США не являются для региона донором стабильности. Россию же Средняя Азия интересует сегодня не как геополитическая вотчина, а прежде всего как источник повышенных рисков.

Второе. Что касается проблем эффективности ОДКБ, они действительно существуют.

Перечислю некоторые болевые точки.

ОДКБ – это механическое сочетание трех региональных ареалов: Средняя Азия, Кавказ, Восточная Европа. Причем только на одном из этих направлений вопросы могут решаться именно на многостороннем уровне, на уровне коллективной системы безопасности – это Средняя Азия. А кавказское и восточно-европейское направления – это

вопрос исключительно двусторонних отношений РФ с Арменией и с Белоруссией.

В Средней Азии фон отношений между участниками ОДКБ – довольно конфликтный. До тех пор пока Узбекистан не приостановил участие в деятельности ОДКБ (хотя формально не отказался от членства), характер его отношений с соседями, безусловно, дискредитировал саму организацию. Километры заминированной границы с Таджикистаном, приграничные конфликты с Киргизией – лишь некоторые примеры. Во многих отношениях и уровень партнерства РФ со среднеазиатскими союзниками оставляет желать лучшего. Несмотря на глубокую системную зависимость от Москвы как в плане экономики, так и в плане безопасности, Таджикистан и Киргизия часто ведут себя совсем не как союзники. Даже в военно-политических вопросах. Здесь можно вспомнить: и выдавливание российских пограничников с Пянджа, где они выполняли важную роль противодействия наркотрафику; и неопределенность с военной базой в Таджикистане; и срыв Киргизией межправительственных договоренностей по передаче пакета акций стратегически важного для ВМФ РФ завода Дастан в счет погашения госдолга, и другие разногласия.

Под эгидой ОБСЕ созданы КСБР (коллективные силы быстрого развертывания) и КСОП (коллективные силы оперативного реагирования). Создание КСБР в 2001 г. сыграло свою роль в сокращении активности исламистских бандформирований. Но при отсутствии единого командования они не могут рассматриваться как полноценный военный механизм.

Однако наиболее слабым звеном в системе реагирования на критические ситуации являются не военные, а политические механизмы. Учитывая, что основные текущие угрозы в Средней Азии, на которые ориентирован

ОДКБ, связаны с негосударственными игроками – ОПГ, контролирующими наркотрафик, исламистскими организациями – классическое понятие агрессии малоприспособлено для того, чтобы определять тот порог, когда вступают в силу принципы совместной обороны. Без политического алгоритма реагирования на кризисные ситуации военный блок недееспособен.

В целом с точки зрения эффективности ОДКБ можно сравнить с ЕврАзЭС до создания Таможенного союза. То есть создана платформа, которая может быть трансформирована в полноценный региональный блок при определенных условиях.

В случае с ТС такие условия были созданы глобальным экономическим кризисом, создавшим запрос на региональную интеграцию.

В случае с ОДКБ такие условия уже сегодня создаются неприятным для среднеазиатских государств примером арабской весны, но главным образом, конечно, они могут быть созданы дестабилизацией в Афганистане после вывода международного контингента.

Точно спрогнозировать развитие ситуации в этой связи сложно, в том числе из-за неопределенности западных планов. Но риски и вызовы для Средней Азии возрастают.

Генсек ОДКБ Николай Бордюжа заявил в одном из интервью: «У нас есть конкретные свидетельства того, что на территории Афганистана действуют лагеря подготовки боевиков – выходцев из государств – членов ОДКБ, которые рано или поздно вернуться в эти государства для решения своих политических задач».

Кстати, именно с приближением перспективы выхода коалиции из Афганистана связывались ожидания налаживания сотрудничества между НАТО и ОДКБ. Шанс еще не упущен, но пока эти ожидания не оправдываются.

Судя по всему, США пытаются сделать ставку на Узбекистан, приостановивший участие в ОДКБ (Узбекистану планируется передать на тех или иных условиях технику, военное снаряжение), и в целом вести диалог со странами региона по отдельности. Между тем, если мы действительно озабочены трансграничными угрозами, важно понимать: по отдельности среднеазиатские государства их не решат. Игнорировать уже сложившуюся платформу безопасности, созданную равным счетом для сдерживания этих угроз, в данном случае значит пренебрегать интересами региональной безопасности.

Впрочем, стабильность в Средней Азии, возможно, и не является значимой задачей для США. А вот Европа заинтересована в этом гораздо больше. И с точки зрения энергетического рынка стран региона, где западные компании уже активно работают, и с точки зрения такой болезненной проблемы, как наркотрафик. Европа и Россия – основные потребители афганских опиатов, транзитируемых в существенной части через Среднюю Азию.

Укрепление ОДКБ как механизма региональной безопасности в Средней Азии вполне отвечает европейским интересам. Европа в рамках НАТО особо акцентирует повестку «мягкой безопасности». Но именно по этой повестке взаимопонимание с США зачастую проявляется только на словах. Если в смысле классического военного союза, системы коллективной обороны союзничество США и Европы довольно прочно и обоснованно, то в вопросах «мягкой безопасности» нужно действовать самостоятельно. Либо в рамках военной компоненты ЕС, либо в рамках национальных ВС. И на этом уровне сотрудничество с ОДКБ как раз может быть продуктивно.

В числе возможных решений:

– взаимодействие ОДКБ и ШОС по стабилизации северного приграничья Афганистана (при этом ОДКБ мог бы сосредоточиться на «силовых» составляющих безопасности, а ШОС – на ее социально-экономических предпосылках);

– получение мандата СБ ООН на предотвращение конфликтов на афганско-таджикской границе и севернее (по аналогии с тем, как международные силы под эгидой НАТО получили мандат на действия в Афганистане).

Понятно, что принятие, совместное обсуждение подобных решений потребовали бы куда более глубокого стратегического взаимопонимания, чем то, что есть сегодня между Россией и Европой.

Пока оно не просматривается. Но в перспективе платформой для союзничества может быть то, о чем говорилось в начале нашей дискуссии, – осознание общности проблем и интересов России и Европы перед лицом двух глобальных процессов.

Это складывание американо-китайской биполярности. И это дестабилизация исламского мира.

Средняя Азия для РФ – примерно то же, что Магриб для Франции и шире – Северная Африка, Ближний Восток для ЕС. То есть источник и возможностей, связанных с доступом к ресурсам и рынкам, и острых угроз, связанных с иммиграцией, экспортом исламизма и криминального уклада.

Что же касается американо-китайской биполярности, то она делает актуальной для Европы и особенно для России своего рода голлистскую стратегию – сохранение национальной автономии и свободы маневра в ситуации глобальной конкуренции сверхдержав.

Новая биполярность не имеет открытой блоковой формы и реализуется преимущественно в экономической, а

не в военной сфере. Но это не значит, что она безобидна. Существенное отличие этой ситуации от периода холодной войны состоит в том, что, если в эпоху прежней биполярности угроза миру исходила от взаимных противоречий сверхдержав, то сегодня также (а возможно, и прежде всего) – от их внутренних противоречий.

США после окончания холодной войны столкнулись с парадоксом «ненужности» победителя. Инфраструктура глобального военного присутствия США оказалась избыточной, и эта избыточность камуфлируется консервацией множественных локальных конфликтов и конструированием «осей зла». Структурными проблемами стали огромный внешний долг и внешнеторговый дефицит, критическая зависимость от внешнего мира в экономической сфере, балансируемая позицией эмитента «мировой валюты». Необходимость обеспечения этой позиции под залог внеэкономических активов (политический контроль за мировыми ресурсами, военное превосходство) опять же отсылает к стратегии генерирования локальных кризисов.

Эти и подобные обстоятельства делают США державой «эксцентричной» во всех смыслах – вынужденной хронически «выходить из себя», сбрасывая внутреннее напряжение во внешний мир.

Но ровно то же самое, хотя и в силу иных обстоятельств, можно сказать о КНР. Совокупность вызовов, с которыми сталкивается Китай, – демографических, социально-экономических, экологических, идеологических, может находить разрешение или хотя бы отсрочку только на пути разноплановой глобальной и региональной экспансии, которую КНР, собственно, и осуществляет, выстраивая широко неокOLONиальную сферу влияния.

Таким образом, обе глобальные сверхдержавы, чтобы поддерживать свою внутреннюю устойчивость (в одном

случае, за счет высоких стандартов потребления, в другом – за счет высоких стандартов роста), вынуждены (или будут вынуждены) постоянно сбрасывать напряжение вовне. Сама конструкция миропорядка эпохи американо-китайской биполярности генерирует кризис. То есть на обеих больших геополитических осях: «Восток»–«Запад», если иметь в виду КНР и США, и «Север»–«Юг», если иметь в виду вызовы со стороны исламского мира, – российские и европейские интересы объективно близки друг к другу.

Но, чтобы увидеть это, важны два свойства, которых нашим государственным системам, увы, не достает. Нужно, во-первых, мыслить достаточно масштабно. И, во-вторых, нужно мыслить именно в категориях национальных политических интересов. То есть быть, если хотите, политическими реалистами в духе Ганса Моргентау, который говорил о том, что политические интересы наций не могут и не должны сводиться ни к моральным идеалам, ни к узким экономическим расчетам, ни тем более к их причудливой комбинации, когда одно прикрывает другое.

Заметьте, эта интересная ситуация: перспективы долгосрочного российско-европейского сближения зависят не от способности поступаться своими фундаментальными интересами, а, напротив, от способности следовать им. Быть верными самим себе. Но именно это оказывается самым сложным.

Является ли Евросоюз препятствием к созданию Большой Европы?

Если нам известны границы, вернее, точное количество государств, составляющих Евросоюз, то определение Большой Европы по-прежнему остается весьма зыбким. Де Голль предпочитал географическое и политическое определение Европы, простирающейся от Атлантики до Урала. С тех пор прошло несколько десятков лет, но по-прежнему находятся те, кто задается вопросом: является ли Россия частью Европы? Среди них можно упомянуть французского журналиста, который спрашивал об этом Дмитрия Рогозина, когда тот еще не был заместителем премьер-министра России. И вот что ответил ему Рогозин: «У меня нет никаких сомнений на этот счет, когда я нахожусь во Владивостоке, но они возникают, когда я оказываюсь в Марселе».

Эта шутка четко отражает историческую и культурную реальность. Она заключается в том, что европейцы присутствуют на Дальнем Востоке, на побережье Тихого океана, у границ Китая, а также тот факт, что они принесли туда христианство, греко-латинскую культуру, в том числе

⁷ Жиль Реми – генеральный директор французской консалтинговой компании CIFAL Groupe, советник Министерства внешней торговли Франции (CSEF), основатель и президент Торгово-промышленной палаты Франция – Туркменистан (CCFL). Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

французскую литературу. Виктор Гюго и Александр Дюма больше известны на постсоветском пространстве, чем во многих французских колледжах. Большая Европа включает в себя все пространство от Бреста до Владивостока, населенное сотнями народов, принадлежавших к русскому или советскому миру. Благодаря русскому языку они имеют общую культуру, на которой строится их национальное самосознание. Именно в этом состоит отличие уйгура, живущего в Казахстане, от своего соплеменника, проживающего в Китае. Большая Европа – это еще и общие морские границы. Скоро в результате глобального потепления можно будет приплыть из Гавра в Тихий океан, не делая крюк через Ближний Восток. Таким образом, морские и сухопутные пути, проходящие через Россию, превратятся в крупные, экономически выгодные и безопасные транспортные коридоры, соединяющие Европу с Азией.

Эта Большая Европа, естественно включающая в себя Россию, а также Казахстан и Закавказье, занимает третье место среди торговых партнеров Евросоюза, после США и Китая. Евросоюз является основным рынком сбыта для России. Именно туда направляется основная часть российского экспорта (50 и даже 80% по нефти и газу).

Сегодня перед этой огромной территорией столько же вызовов, сколько и возможностей, которые можно использовать совместно. Это задача цивилизационная по своей природе.

Исторический тупик как общий вызов для Европы и России

У России есть печальный опыт потери статуса. Она пережила жестокий кризис, связанный с исчезновением СССР, неожиданно превратившись из мировой сверхдержавы в

расчлененную страну и почти неподпечную территорию. Россия пережила самый большой экономический, демографический и социальный спад, который когда-либо случался в мирное время. В 1990 году об этом спокойно сообщил в газете «Фигаро» американец Бжезинский: от холодной войны в основном выиграли Америка и Германия, а проиграли Россия и Франция. Это двойной удар для Франции, дипломатическое и экономическое влияние которой ослабло в результате исчезновения СССР и возрождения Германии. Кроме того, ее национальная самобытность оказалась размытой в процессе европейской интеграции, которая ускорила после заключения Маастрихтского договора.

США воспользовались создавшейся ситуацией. Они поняли, что Европа больше не является стратегической целью и что будущее за Азиатско-Тихоокеанским регионом. Европа уже не является ответом на упадок Запада – она сама представляет собой проблему. США обретут энергетическую независимость к 2030 году. Для них это прекрасная возможность уйти с Ближнего Востока, погрязшего в ненависти и хаосе. Как заявил недавно советник президента Обамы Бен Родс: «Мы хотели бы оставить после себя внешнюю политику, которая не разменивалась бы на защиту интересов кучки ополченцев, контролирующих клочок пустыни». В июне 2013 года в Калифорнии состоялся американо-китайский саммит по Тихому океану, который ясно обозначил предпосылки создания китайско-американского кондоминиума в области мировой экономики. Это была «Большая двойка», гораздо более эффективная, чем «семерка», «восьмерка» или «двадцатка». При этом две крупнейшие экономики мира даже не упомянули ни ООН, ни МВФ. Кондоминиум не исключает соперничества, но оно ограничивается в основном экономикой, от-

личаясь тем самым от идеологического противостояния времен холодной войны. 60% Военно-морских сил США теперь сосредоточены в Тихом океане, но отнюдь не для того, чтобы принести «свободу угнетенным народам», а просто потому, что, как считают американцы, именно там решаются судьбы мира.

Что же касается Европы и России, они рискуют оказаться один на один с деградирующим арабо-мусульманским миром, усилением радикального ислама и демографическим взрывом в экваториальной Африке. Кроме того, уход войск западной коалиции из Афганистана приведет к тому, что Россия и страны Средней Азии окажутся на передней линии конфронтации с исламским терроризмом.

Одновременно с этим и Европе, и России придется учитывать фактор роста численности и подъема национального самосознания проживающих в них мусульман, которых насчитывается 15 миллионов в России и 50 миллионов в Европе.

Но, помимо этих непосредственных вызовов, Европе и России в среднесрочной перспективе грозит экономический, военный и идеологический упадок. Создались все условия для их ухода с исторической сцены с разрушительными последствиями.

В чьих интересах создание Большой Европы?

Россия не является лидером ни в одной промышленной или технологической области, не считая атомную промышленность. Уже сейчас АЭС, основанные на российских технологиях, составляют 16% и приблизятся к 25% в течение 20 ближайших лет. Россия получила в наследство 40% всех мировых мощностей по обогащению урана и является вместе с Францией единственной страной, осуществляющей полный цикл атомной энергетики, начиная от добычи сырья и заканчивая переработкой отходов. Но

почти все ее остальные технологии безнадежно устарели за последние 25 лет из-за отсутствия необходимого финансирования. Уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) настолько низок, что вклад России составляет лишь 2% патентов, регистрируемых в мире. России удалось остановить падение своей военной мощи, но даже возросший российский оборонный бюджет равен лишь десятой части американских военных расходов.

Это кажется парадоксальным, но единственные сравнительные преимущества России заключаются в сырьевой базе и человеческом капитале, обладающем высоким уровнем образования, несмотря на падение его качества и эмиграцию. Еще одним вызовом для России является тот факт, что та ее часть, которая граничит с самой динамично развивающейся экономикой мира, наиболее слаба с экономической точки зрения (всего 30 млн жителей во всей Сибири и на всем Дальнем Востоке). Поэтому, чтобы сохраниться в качестве крупной промышленной и научной державы, России придется сделать ставку на международное сотрудничество. Русский никогда не сможет работать, как китаец, но, возможно, когда-нибудь достигнет производительности труда европейца, понимая под Европой не теперешний ЕС с центром в Брюсселе, а тот, который может быть создан на основе потребностей и стремлений других государств, заинтересованных в новой европейской архитектуре.

В этом, прежде всего, заинтересована Франция, которая задыхается в тисках наднациональной Европы, буквально помешанной на свободе торговли.

Общеввропейский интерес уже невозможно обнаружить. Сильный евро усилил противоречия и одновременно мешает их преодолению. Он ускоряет процесс

деиндустриализации, начавшийся в 1980-е годы. Разрыв становится все более болезненным. Остается либо бежать из последних сил за Германией, пытаться строить из себя великую державу, либо примкнуть к странам «Средиземноморского клуба» и смириться с потерей статуса.

Что же касается европейских структур, они находятся в глубоком экономическом, политическом и моральном кризисе. Европейские народы ощущают себя пассажирами самолета, охваченного турбулентностью и летящего без пилота. Все больше людей отвергают брюссельские наднациональные учреждения, вплоть до того, что это начинает определять общественное мнение стран ЕС! Еврокомиссия дошла до того, что регламентирует сосульки для оливкового масла в ресторанах, и это в то время, когда безработица охватила четверть молодежи. ЕС стал больным «человеком» планеты. Его система управления никуда не годится, но он продолжает бежать вперед по пути свободы торговли в ущерб собственному единству. Об этом свидетельствует недавнее вступление в Евросоюз Хорватии, а также переговоры о членстве с Турцией и заключении договора о свободной торговле с США. Наиболее европейски ориентированные из наших политиков начинают подвергать сомнению догмы, которые они сами же придумали. Так, Валери Жискар д'Эстен недавно заявил, что необходимо пересмотреть систему всеобщих выборов депутатов Европарламента и делегировать полномочия национальным парламентариям, поскольку «легитимность нельзя ввести указом».

Может ли Большая Европа помочь в преодолении трудностей, стоящих перед Россией и ЕС? Для начала ЕС должен стать совместимым с Россией. В состоянии ли он это сделать? Может ли ЕС стать совместимым с Россией?

Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться ко времени его образования и мифам, которые лежат в его основе. Позвольте привести длинную цитату «свободного мыслителя» Юбера Ведрина: «Европейское строительство не является для меня воплощением великой и прекрасной цели создания коллективной федерации, которая, увы, забуксовала в песках геополитики. Я считаю, что отцами-основателями ЕС были прежде всего Сталин и Трумэн, а не Монне и Шуман. Если бы не существовало послевоенной советской угрозы, если бы США не создали НАТО и не осуществили план Маршалла, то ничего бы не состоялось. Не Европа обеспечила мир, а мир создал Европу. А потом некоторые прозорливые европейские руководители решили воспользоваться этой ситуацией и создать нечто еще невиданное. Они предприняли конкретные шаги: сначала Объединение угля и стали, потом Общий рынок и т.д. Постепенно возникла мысль осуществить на этой основе утопию Соединенных Штатов Европы. То, что сегодня рушится на наших глазах – это не Европа, а европейские мифы. На самом же деле, Европа прежде всего детище определенной геополитической ситуации, а не воплощение невиданного морально-исторического проекта».

Эти геополитические вехи полностью смешались с исчезновением Советского Союза.

Сначала Европейское Сообщество, а за ним и Евросоюз затеяли безумную гонку (расширение ЕС и НАТО), сохранив при этом психологические установки времен холодной войны, рассуждая и действуя так, как будто речь шла о победителях и проигравших.

Однако еще до исчезновения Советского Союза Миттеран почувствовал, что дальнейшее расширение могло оказаться ловушкой для ЕС. Так, после роспуска Варшав-

ского пакта и одновременного создания Евросоюза на основе Европейского Сообщества, он подхватил концепцию общего дома, выдвинутую Горбачевым, предложив создать европейскую конфедерацию, включающую страны Восточной Европы и Россию, не уточняя какие отношения она будет поддерживать с ЕС. Это идея была официально закреплена в Договоре о согласии и сотрудничестве между Францией и СССР, заключенном в октябре 1990 года в Рамбуйе. Но этот проект потерпел неудачу из-за противодействия американцев и руководителей восточноевропейских стран, которые стремились к вступлению в ЕС и членству в НАТО.

В последующий период Америка и ЕС поставили перед собой цель нормализовать не свои отношения с Россией, а саму Россию. ЕС запустил программу ТАСИС, а США поручили экономистам чикагской школы протестировать на практике свои самые смелые теории. Франция тоже не осталась в стороне, добавив к этому толику патернализма и решив помочь России приобщиться к ценностям демократии и прав человека в том виде, как они понимались в Брюсселе. Так, в 1992 году в Мюнхене Миттерану даже пришлось выступить против ужесточения условий МВФ, чтобы «лекарство не убило больного». В 1994 году он был единственным европейцем, проявившем понимание позиции России, расценив расширение НАТО на Восток как «бесполезное и опасное». Однако этот акт доброй воли отнюдь не означал его согласие с участием России в «Большой семерке». Возобладал принцип реализма, поскольку Россия очутилась на дне ямы и потеряла статус мировой державы.

Когда в 1995 году Ширак стал президентом Франции, он сначала много сделал для укрепления связей между Францией, Россией и ЕС. Так, он поддержал вступление

России в ВТО и Парижский клуб, создание в 1996-м Комиссии по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств, а также План действий ЕС по поддержке России, выдвинутый Францией. Но ослабленная начавшимся в 1997-м противостоянием между президентом и премьер-министром Франция не смогла или не захотела воспротивиться процессу интеграции стран Восточной Европы, который разворачивался параллельно с разрывом их экономических, политических и дипломатических связей с Москвой.

Ельцин не приехал на мадридский саммит 1997 года в знак протеста против расширения НАТО. Отсрочка решения о возвращении Франции в состав объединенного командования НАТО, принятая на саммите, быстро потеряла свою актуальность в результате участия Франции в интервенции НАТО в Югославии. Это было настоящим шоком для русских и концом догмы «Европа – это мир». Что же касается Франции, период конфронтации между президентом и премьер-министром выразился в самоустранении Франции, которая предпочитала, чтобы все болезненные политические решения принимались в Брюсселе. Начиная с 1999 года этот период соответствовал ухудшению отношений между ЕС и Россией (газовая война, ПРО). В то же время новое руководство, пришедшее к власти в Москве, восстанавливает вертикаль власти, которая чуть не распалась после десятилетия ельцинского хаоса.

Кризис 2008 года окончательно развеял иллюзии, которые сохранялись у России в отношении западной модели в целом и европейской, в частности. С точки зрения российского руководства и общественного мнения этот экономический кризис обозначил конец верховенства Запада или, по крайней мере, ЕС («слабых – бьют», как сказал Путин). Кризис также показал, что западная демократия

не является синонимом хорошего управления (Мейдофф, ипотечный кризис, управление греческим кризисом со стороны МВФ и ЕС).

У русских создалось впечатление, что, подобно мировому деревенскому дурачку, ЕС решил последовать примеру России 1990 годов. Они усматривают в догмах и табу, налагаемых ЕС (евро и интеграция), параллели с их собственной историей, когда необходимость дальнейшего углубления социализма была официальным и автоматическим ответом на все экономические сложности, с которыми сталкивался СССР. И наконец, русские окончательно поняли, что великие принципы, которые Запад стремился внушить им любой ценой, могут меняться в зависимости от обстоятельств. Так, управление кризисом на Кипре и конфискация банковских вкладов развеяли последние сомнения.

Сегодня отношения между ЕС и Россией напоминают отношения пожилой бездетной семейной пары, которая слишком долго прожила вместе, но так и не сочеталась браком. Взаимные обиды настолько велики, что любая размолвка приводит к взаимным обвинениям. Но в наших общих интересах, особенно учитывая поставленную цель, не драматизировать, а сглаживать наши противоречия. Еврокомиссия же действует в противоположном направлении по всем вопросам, входящим в ее компетенцию.

Не наблюдается почти никакого движения в вопросе о визах. ЕС выдвигает в качестве аргумента слишком большое количество служебных паспортов, существующих в России, но при этом ее совершенно не волнует проблема иммиграции, которая использует несовершенство законодательства о предоставлении убежища, а ведь этим статусом пользуется большинство из 20 000 чеченцев, обосновавшихся во Франции.

В области энергетической политики Еврокомиссия по-настоящему рассматривала только проект «Набукко» – газопровод «Каспий–Европа». Этот проект, который был задуман и рассматривался, скорее, как идеологический, чем экономический, окончился фиаско.

В том, что касается политики в области торговли, Брюссель пытается пойти дальше соглашений ВТО, одновременно делая все, чтобы заблокировать сотрудничество с Таможенным союзом, созданным Россией.

Еврокомиссия дает понять всем странам, которые, как Украина, хотели бы в него вступить, что рассматривает Таможенный союз в качестве препятствия к заключению соглашений с ЕС. Это значит, что она оспаривает право России на проведение собственной политики (создание общего экономического пространства, региональная интеграция).

Отношения между Россией и ЕС фактически ограничиваются чисто техническими вопросами, взаимными упреками и полным отсутствием перспективы. Восточное партнерство, в которое входят Армения, Азербайджан, Грузия, Украина и Молдавия, воспринимается Москвой как стремление ЕС еще больше отдалить эти страны от России. В любом случае его создание можно рассматривать как явно неудачную попытку, особенно в свете заявленных целей. Почти все эти страны переживают экономический спад, и их с трудом можно назвать демократическими.

Итак, каков же итог двадцати лет бурных отношений и недоразумений? Прежде всего напрашивается вывод, что ЕС уже не привлекает и не является примером для большинства русских. Со своей стороны, европейцы все хуже понимают русских.

Разногласия носят не только конъюнктурный, экономический и политический характер, а касаются самой осно-

вы, то есть тех ценностей, которые ЕС стремится навязать России, исходя из своего либерального опыта, рассматриваемого в качестве высшего достижения демократии. Русскому же народу явно гораздо ближе европейские ценности 1960-х годов, когда у нас не было и намека на диктатуру. Поэтому так трудно объяснить русским, что однополые браки – «это хорошо, потому что современно». Все социологические исследования выявляют парадоксальное явление. Если контакты расширились за последние 20 лет, то одновременно с этим отношение европейцев к русским и русских к европейцам значительно ухудшилось. Тому есть несколько причин. С исчезновением коммунистической идеологии Россия лишилась того, что принято называть «мягкой силой». И если она приняла для себя демократическую модель западного образца, это никак не повлияло на тот ужас, который испытывает Запад, видя ее глубокий экономический и социальный упадок. Во Франции и в меньшей степени в Германии отмечается резкое падение интереса к России, в том числе и в среде политиков. Так, оба наших последних президента никогда не посещали Москву до избрания на этот пост. Что же касается системы образования, русский язык становится все менее популярным в наших школах.

Неужели этот процесс отчуждения, который противоречит нашим объективным интересам, способен разрушить проект создания Большой Европы?

Прежде всего в этой конструкции ЕС, скорее, является ядром, чем препятствием. По мере того как расшатывается брюссельская структура, именно государства – основатели ЕС – начинают сознавать необходимость создания Большой Европы. Со своей стороны, Россия только теряет от упадка европейской экономики, на которую приходится половина ее торговли. Судьба евро находится в ее

руках и не только потому, что 40% (более 200 млрд) ее валютных резервов номинированы в евро, но и от того, что резкое сокращение объема этих резервов вызвало бы губительный кризис доверия. При этом Россия осознает, что отказ от евро вызвал бы распад всей Европы, что отрицательно отразилось бы на ней самой и на мировой экономике.

Сегодня главный вопрос заключается в выходе за рамки ЕС, который в любом случае не сможет существовать в теперешней форме. Россия никогда не вступит в наднациональную организацию, основанную на принципах федерализма. Как и Франция, она признает только национальное государство. В этом ее отличие от Германии, которая основана на общем языке и праве крови.

Поэтому единственной приемлемой моделью является конфедерация, формы которой еще предстоит определить. Конфедерация конечно же предполагает общий политический и даже цивилизационный подход. Она должна строиться на фундаменте подлинного, добровольного и многостороннего сотрудничества между государствами. В наших интересах поддерживать программы промышленного сотрудничества, крупные инфраструктурные проекты, за которыми будущее, а не рассуждать об общем рынке, свободе торговли или социальной и фискальной конкуренции. Вступление России в ВТО уже достаточно, чтобы в течение 20 лет выстраивать любые партнерские и торговые отношения.

Эта конфедерация сможет развиваться, если государства будут поддерживать суверенное сотрудничество. Например, в ядерной энергетике, которую не следует рассматривать исключительно как единственную область конкурентной борьбы, в которой Россия имеет некоторые преимущества. Если Франция занимает передовые пози-

ции на конечном этапе создания добавленной стоимости, то Россия является единственной страной, работающей над реактором будущего четвертого поколения. Это направление, от которого мы отказались, сделав ставку на реактор «Суперфеникс». Не в наших интересах отказываться от этого сравнительного преимущества, которое мы разделяем с Россией и которое могло бы послужить Большой Европе. Наши экономики прекрасно дополняют друг друга, и именно благодаря этому новому партнерству мы могли бы поддержать нашу промышленность и найти новые возможности для роста, которые необходимы для наших развитых экономик.

Но для этого, как поет наш известный певец, надо, чтобы «хотелось хотеть». России нужно улучшить свой образ и привлекательность. Это потребует больших усилий, учитывая все ее отрицательные черты: олигархия, коррупция, семейственность, отсутствие правового государства и т.д. Вместо того чтобы систематически поддерживать атмосферу недоверия, нашим СМИ следовало бы лучше оценить ситуацию, а именно серьезность вызовов, с которыми столкнулся мир, лишенный стабилизирующего влияния мирного сосуществования. Понимая это, Путин рассчитывает уравновесить образ России с экономической точки зрения, делая ставку не на европейских политиков, а на крупные западные корпорации. Россия поставила перед собой цель подняться за 10 лет со 120-го на 20-е место в классификации Всемирного банка в рамках исследования «Ведение бизнеса».

За один только год она поднялась на 8 пунктов благодаря крупным соглашениям, заключенным между Exxon-Mobil, BP и Роснефтью. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что экономика есть продолжение политики иными средствами.

В конечном счете проект «Большая Европа» должен рассматриваться в качестве серьезной альтернативы ее блокированию, которое мы наблюдаем в настоящее время. Он позволил бы совместно ответить на главные вызовы непредсказуемого и поэтому опасного мира. Что же касается Франции, она смогла бы возродить мечту о создании сильной Европы, которая была окончательно похоронена брюссельской бюрократией. Концепция «Большой Европы» и ее претворение в жизнь предполагают: план действий, наличие воли и решительный разрыв с практикой последних десятилетий.

Сможем ли мы, наконец, найти подлинных отцов-основателей этого столь же грандиозного, сколь необходимо-го проекта?

Стефан Бюффето⁸

Энергетическая зависимость Евросоюза

Дорогие друзья! Благодарю вас за приглашение выступить, чтобы поделиться мыслями о «Большой Европе» и энергетике, поскольку «Большая Европа» является основной целью Европейского социально-экономического комитета. Комиссия по вопросам энергетики, транспорта и инфраструктуры представляет особый интерес, будучи исключительным местом для наблюдения. Дело в том, что в области энергетики между странами, как и между людьми, нет равенства. Получилось так, что Европейский Союз, а я буду говорить о Европейском Союзе, находится в зависимом положении в отношении энергоресурсов. Впрочем, он частично оказался в этом положении уже в ходе технической революции конца XIX – начала XX веков, когда основным источником энергии был уголь. И в самом деле, запасы угля были довольно равномерно распределены по Европе. Более того, их было достаточно и даже много, особенно во Франции и Польше. Однако ситуация осложнилась при переходе к современному обществу, которое основано на ископаемом топливе, то есть на нефти и газе. В наши дни Евросоюз находится в совершенно ином положении, чем во время первой промышленной революции. Мы знаем, что Великобритания пользуется

⁸ Стефан Бюффето – член Европейского социально-экономического комитета при Европейском Союзе, депутат Европарламента IV созыва, французский политик, юрист, деятель местного самоуправления. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

запасами нефти в акватории Северного моря. То же касается и Норвегии, хотя она и не является членом ЕС.

Я хотел бы совершить небольшой экскурс в экономическую историю. В течение веков, начиная с Цезаря и заканчивая Наполеоном Бонапартом, люди непосредственно использовали природные источники энергии. Так, ветер вращал крылья мельниц и надувал паруса кораблей, использовалась физическая сила животных и людей, энергия воды и огня. Вам всем знакомы рисунки Леонардо да Винчи, на которых он изобразил множество машин, включая, например вертолет, но они так и не были построены из-за отсутствия источников энергии, поскольку существовавшие в то время источники были недостаточны. Все изменилось в результате изобретения паровой машины и создания локомотивов.

Таким образом, экономическое развитие современного общества неразрывно связано с овладением и преобразованием энергетических ресурсов. Это чрезвычайно важно для будущего Европы, да и всего мира. Данное понятие имеет решающее значение. Мне бы хотелось подчеркнуть тот факт, что в конечном счете на протяжении всей истории современного промышленного общества мы имели дело с тем, что мы называем сегодня энергетическим переходом. Это был период смены преобладающих источников энергии. Если бы я спросил у вас, какой век был временем угля, большинство указало бы на XIX век. Но такой ответ был бы ошибочным, потому что XIX век был временем древесины в качестве основного источника энергии. Уголь стал преобладающим источником энергии только в 1880-х годах.

Если бы мы задали такой же вопрос о XX веке, уверен, что большинство указало бы на нефть, а ведь нефть стала основным источником энергии только на рубеже веков!

Все это показывает, что эволюция совершается довольно медленно.

Вот несколько важных цифр, которые позволяют понять, что происходит в этой области. Во-первых, Международное энергетическое агентство прогнозирует к 2030 году рост энергопотребления на 55%. Это произойдет не завтра, но уже в обозримом будущем. Мы являемся свидетелями возрастания мощи стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Но этим дело не ограничивается, поскольку экономический рост наблюдается даже в Африке. Таким образом, мы наблюдаем увеличение потребления энергетических ресурсов, особенно ископаемых видов топлива. Происходит рост цен, что вызывает гонку за энергетическими ресурсами и иногда даже войны, как это произошло в Ираке. Характерной чертой этой войны стал тот факт, что, когда американская армия захватила Багдад, военные прежде всего взяли под охрану Министерство нефти, а не Музей археологии с его бесценными экспонатами.

ЕС на 80% зависит от ископаемых источников энергии, то есть от нефти и природного газа. Если сегодня ЕС импортирует 50% энергетических ресурсов, то доля импорта может достичь 70% к 2030 году. Поэтому можно констатировать, что ситуация в Европе отличается хрупкостью, поскольку это ситуация энергозависимости. Более того, энергетическая ситуация в мире меняется, а вместе с ней изменяются экономические условия, и в частности конкурентоспособность.

Теперь мне бы хотелось перейти к сланцевому газу и для начала привести две цифры: цена на газ в ЕС возросла на 38% с 2000 по 2012 год, но в тот же самый период она уменьшилась на 60% в США за счет сланцевого газа. Таким образом, стоимость газа в США упала в 4 раза. Не-

давно я проводил в Париже конференцию в рамках обсуждения общенациональных проблем. В ходе данного мероприятия состоялся круглый стол с участием министра экологии, устойчивого развития и энергетики Франции Дельфин Бато и **заместителем директора Главного управления энергетики и транспорта Еврокомиссии Фабрицио Барбазо**, заместителя генерального директора главного энергетического управления ЕС. Уже давно энергетические проблемы не обсуждались на столь высоком уровне. Так вот госпожа Бато сказала, что сланцевый газ не является решением для ЕС, хотя его запасы есть в Польше и Франции. Отвечая на вопрос об его использовании, госпожа министр высказала мнение, что ЕС ответит на этот энергетический вызов, используя альтернативные источники энергии. Это достаточно хорошо характеризует ситуацию, в которой находится ЕС. Если я упомянул о подобной реакции госпожи Бато, то потому, что экологическая, или «зеленая», идеология преобладает в политических кругах ЕС. В связи с этим можно задать себе вопрос: есть ли у ЕС подлинная энергетическая политика или его политика является преимущественно «климатической»? И в самом деле, ЕС находится на передней линии борьбы с климатическими изменениями в мире. Два года назад была разработана стратегия до 2020 года.

Поговорим об этой «стратегии 2020». Она расшифровывается как «трижды по 20 к 2020 году». Это значит: на 20% больше энергии из возобновляемых источников; на 20% повышение энергетической эффективности и на 20% меньше выбросов углекислого газа. В результате Европа оказалась без подлинной энергетической политики. Желание проводить такую политику до некоторой степени сохранилось, но иногда наша политика почти приводит к минусовому росту, потому что все сводится к реакции на

климатические изменения. ЕС знает, что такая политика совершенно бессмысленна, так как многие крупные страны, являющиеся основными загрязнителями атмосферы углекислым газом, в частности США, не желают ей следовать. То же касается Канады, Китая, Индии и даже России, поскольку никто не хочет оказаться в ситуации отрицательного экономического роста. Из этого можно сделать первый важный вывод: у ЕС нет реальной энергетической политики. Кстати, когда я присутствовал на форуме по ядерной энергетике в Праге, там говорилось, что следует отделить энергетическую политику ЕС от климатической составляющей.

Такой подход был, разумеется, уместным на форуме по ядерной энергетике, потому что основное внимание уделялось сокращению выбросов углекислого газа, а известно, что атомная энергетика почти или совсем не приводит к его выбросам. Совершенно непонятно, как можно отказаться от атомной энергии, как решили Германия и Австрия. Без атомной энергетики окажется невозможным выполнить задачу, поставленную ЕС, и сократить на 20% выбросы углекислого газа. Я подхожу к главному, а именно к тому, что, во-первых, подобная энергетическая политика ЕС подчинена «климатическим» требованиям и, во-вторых, является в значительной степени непоследовательной.

Она непоследовательна по нескольким причинам, и прежде всего потому, что энергетика лежала в основе процесса европейской интеграции, которая началась с создания Европейского объединения угля и стали. Напомним, что в 1950-е годы уголь был основным источником энергии. Затем было создано Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом), после чего реальная и компетентная энергетическая политика перестала существо-

вать. Энергетические вопросы оказались поделенными между ЕС и странами-членами, чтобы обеспечить лучшее функционирование рынков и обезопасить энергоснабжение. Государства-члены, и это положительный факт, сами выбирают энергетические предпочтения, то есть различные источники энергии, необходимые для экономической деятельности.

Я особо остановился на Германии, потому что эта страна решила отказаться от атомной энергетики в пользу, и это весьма любопытный факт, возобновляемых источников энергии (ветрогенераторы), а также обычных источников энергии, то есть газа и т.д.

В свою очередь, давление избирателей подталкивает Францию сократить производство атомной энергии до 50%, и это несмотря на то, что сегодня 70% нашего электричества производится атомными электростанциями. Можно сказать, что атомная энергетика продолжает оставаться основой французской экономики.

Итальянцы, которые одно время подумывали вернуться к атомной энергетике, провели референдум и решили продлить мораторий на ее использование. Это значит, что у нас существует независимая система принятия решений в этой области, но у нее есть существенный недостаток. Я только приветствую тот факт, что страны-члены сами определяют свою энергетическую политику, но должна существовать определенная координация, потому что без технической координации возникают очень большие сложности управления энергосетями.

Когда Германия решила отказаться от атомной энергетики, это немедленно сказалось на ее соседях, в особенности на Чехии, Словакии и Дании, которые сначала оказались в ситуации нехватки электроэнергии, а потом, по мере развития производства ветровой и солнечной энер-

гии, возникла серьезная проблема управления энергосетями. Можно провести очень интересный эксперимент: побывайте в диспетчерских центрах, которых насчитывается целых три в Брюсселе. Вы увидите там инженеров, которые отслеживают на экранах компьютеров проблемы, возникающие с перераспределением потоков энергии, потому что мы еще не научились ее запасать. В одном из таких центров я увидел целую батарею компьютеров. Подойдя поближе, я понял, что все они отслеживали исключительно метеоусловия. Тогда я задал следующий вопрос: «Неужели вы настолько увлекаетесь метеорологией?». Инженер ответил, что это связано с возобновляемыми источниками энергии (ветер и солнце), поскольку для планирования подачи мощности необходимо знать погоду на завтра. Иногда сила ветра ослабевает или солнце затянуто облаками, а иногда стоит ветреная и солнечная погода, и тогда необходимо перенаправлять избыточную энергию на соседние сети. Поэтому постоянно существует опасность нехватки или переизбытка электроэнергии, которая тоже является проблемой, причем проблемой общеевропейского уровня.

Кроме того, государства-члены свободно обсуждают контракты в области энергетики. Вспомним, какая полемика возникла несколько лет назад вокруг заключения газового контракта между Россией и Германией.

ЕС оказался в ситуации, когда государства занимают на мировом энергетическом рынке различные позиции перед лицом производителей энергоресурсов, как, например, Россия, причем последние играют определяющую роль. Подобное положение ЕС свидетельствует о его чрезвычайной неэффективности.

Некоторые предложили исправить положение, создав Европейское энергетическое содружество, то есть еще

одну структуру. Я выступаю против подобной организации, предназначенной играть роль координационного общеевропейского центра. Для большей эффективности она должна будет представлять интересы покупателей энергоресурсов и отстаивать их перед ОПЕК и, возможно, Россией, которая является основным поставщиком всех видов ресурсов, включая газ, нефть, уголь и даже уран.

А теперь я перехожу к вопросу о создании «Большой Европы». Отношение ЕС к России представляется мне непонятным. Очевидно, что существует принципиальное нежелание сотрудничать с Россией. Я убедился в этом на прошлой неделе, когда принял участие в совместном заседании Европейского социально-экономического комитета и Общественной палаты РФ. Первым выступил представитель внешнеполитического ведомства ЕС. Это, несомненно, компетентный, но строгий и сухой человек в общепринятом смысле этого слова. Он начал с нападок на Россию Путина, отстаивая право НКО на иностранное финансирование и призывая уважать права человека. Заметим, что в США действует законодательство, аналогичное российскому по данному вопросу.

Мы оказались в совершенно шизофренической ситуации. Например, Ф. Барбазо, заместитель генерального директора главного энергетического управления ЕС, говорил, что уже три года пытается вести переговоры с Россией и что они идут очень трудно. Но это же совершенно естественно. И в самом деле, Европейский Союз и Европарламент постоянно выступают с обвинениями в адрес России якобы в связи с нарушениями прав человека, но совершенно ничего не говорят о Китае, который, насколько я понимаю, тоже является отнюдь не демократией, а коммунистической диктатурой с однопартийной системой. Несмотря на это, все стремятся попасть в Китай, все

боятся обидеть китайских руководителей. Что же касается России, те же самые люди постоянно занимают какую-то ребяческую антипутинскую позицию. Следует заметить, что у ЕС наблюдается невыносимая склонность давать всему миру уроки «демократической морали». Так, если какое-то государство или правительство отказывается следовать европейской модели политкорректности, то есть отвергает общество потребления, либерализм, гедонизм и моральный и социальный релятивизм, это рассматривается как полнейшее заблуждение.

Так, европейцы считают, что Путин – страшный консерватор и что с ним нельзя иметь дело. Если нам все-таки случается иметь с ним дело, мы ведем себя так, как если бы перед нами был сам дьявол. Поэтому мы проводим глупейшую политику. Иногда складывается впечатление, что европейские руководители просто забыли, что Россия является частью Европы. Это еще и огромная страна, расположенная на двух континентах.

У меня есть очень красивая медаль, украшенная профилями императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Она была выпущена, когда Его Императорское Величество прибыл во Францию для подписания знаменитого франко-русского соглашения. Тогда никому и в голову не могло прийти, что Россия не является частью Европы.

Таким образом, мы оказались в ситуации, когда идеология политкорректности и невежества привела к тому, что в области энергетической политики Европа проявила чрезвычайную недалекость. Это выразилось в том, что Евросоюз ухитряется увязывать переговоры в области энергетики с «политико-моральными» аспектами, которые отнюдь не способствуют их успешному завершению. Что касается меня, я считаю, что энергетическое будущее

Европы невозможно без честного, последовательного и стабильного сотрудничества с Россией.

Мне представляется, что рассматривать Европу только в рамках ЕС, который является лишь ее частью, значило бы поступать чрезвычайно недальновидно с геополитической точки зрения. Никто не обязан проводить неумную политику. Я считаю, что, во-первых, энергетическая политика ЕС ограничивается фантазиями на тему возобновляемых источников и, во-вторых, идеологией политкорректности и либертарианства, которая постоянно мешает налаживанию здорового сотрудничества с Россией.

Отметим, что гидроэнергетика, являющаяся стабильным возобновляемым и управляемым источником, постоянно испытывает сложности в зимний период. ЕС делает ставку на возобновляемые, но прерывистые источники энергии, которые обходятся дорого, не поддаются управлению и не обеспечивают стабильное энергоснабжение.

Подобную политику можно характеризовать как плохо организованную, анархическую и обреченную на неудачу. Политика – это искусство возможного, вовсе не обязательно быть лишенным сентиментальности, и, если в политике можно проявлять свои чувства, тем лучше! Я питаю нежные чувства по отношению к России, и никто не обязан разделять их со мной, однако будем же реалистами! Политика обязывает ЕС конструктивно, честно и доверительно сотрудничать с Россией, и если Евросоюз этого не желает, то он обрекает себя на экономический спад.

Жан Дюфурк⁹

Европа от Атлантики до Урала и от Нордкапа до Сахеля, или Пространство безопасности, которое предстоит создать

Благодарю вас за приглашение совместно поразмышлять о европейском вопросе, который стоит уже давно, но до сих пор не получил удовлетворительного ответа, который был бы актуален на протяжении долгого времени.

Мне хотелось бы сразу же поделиться с вами своим видением проблемы, а затем попытаться доказать ее актуальность и предложить возможность выхода из стратегического тупика, в котором, как мне представляется, оказалась Европа.

У Европы нет будущего в отрыве от истории, географии и культуры европейских народов и их стратегического опыта.

История учит нас тому, что ни одна европейская нация не в состоянии в течение длительного времени играть роль лидера, не спровоцировав региональной или мировой войны. География показывает, что если подлинные европейские границы пролегают между народами, то Средиземное море и Балтика являются внутренними европейскими морями, которые связывают сильное континентальное ядро от Атлантики до Урала с британо-скан-

⁹ Жан Дюфурк – контр-адмирал, главный редактор *Revue Défense Nationale* (2009–2014), доктор политических наук, почетный член Академии военно-морского флота. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

динавским европейским архипелагом на севере и североафриканским – на юге. Что же касается европейской культуры, она возникла в процессе медленного сплава элементов греко-латинского, германо-славянского и иудео-христианского наследия, оплодотворенного эпохой Просвещения и общим социально-политическим опытом.

С моей точки зрения, это понимание должно лежать в основе любого европейского проекта. Не существует ни одной точки европейского равновесия, основанной исключительно на некоей функциональности западного толка, направленной на защиту привилегий развитых народов.

Сегодня европейцы должны доказать, что они способны прийти к общему мнению по поводу европейского проекта и собственного будущего в своих геостратегических и геоэкономических рамках. Европейский Союз должен стать семьей в широком смысле этого слова, а не органом управления клуба акционеров.

Мой тезис заключается в том, что для достижения этой цели, нам нужна Большая Европа, простирающаяся от Атлантики до Урала и от Нордкапа до Сахеля. *Она объединит по большей части национальные и федеративные государства, которые возьмут в свои руки судьбы вверенных им народов. Этот вызов стоит перед миллиардом жителей из девяти, которых будет насчитывать наша планета к середине нынешнего века.*

Учитывая вышесказанное, как и многое другое, я с 2011 года наблюдаю за серьезным кризисом европейской идентичности, который, в частности, заключается в том, что европейцам не удастся договориться о главном, а именно о своих интересах, ценностях, ответственности и солидарности.

Так, финансовый кризис резко противопоставил Север Югу, центр континента его периферии. Дело дошло до того, что европейская конструкция увязла и что даже раздаются голоса, призывающие к ее демонтажу путем референдума.

Европейская интеграция вот уже 50 лет является стеновым хребтом французской внешней политики, но теперь французам приходится искать новые пути, чтобы выйти из тупика, который ставит нас в невыгодное положение. Причем оно только усугубляется в результате диспропорций между 27 государствами – членами ЕС, которых скоро будет 28, а также между 17 государствами еврозоны.

Как же мы дошли до этого?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, предлагаю рассмотреть пять мыслей на этот счет.

- Европейский подход изначально отличался двойственностью и содержал элементы ответа и пари.
- Надо было дать ответ на долгое и трагическое прошлое, состоящее из череды внутриевропейских войн, вызванных проявлениями национализма. Он заключался в окончательном преодолении того, что случилось в 1914 и 1940 годах, то есть коллективного самоубийства европейцев.
- Что же касается пари, то оно заключалось в том, что общий коллективный интерес должен был возобладать над отдельными национальными интересами. За этим должна была следить Европейская комиссия.
- Не вызывает сомнения, что ответ, сформулированный еще в 1960-е годы, оказался убедительным и внутриевропейские конфликты надолго уступили место благотворному сотрудничеству хотя и с элементами конкуренции.
- Но было бы опасно считать, что пари коллективного интереса было выиграно. Общеевропейский подход ока-

зался неубедительным, поскольку, с одной стороны, навязывал определенную форму конкуренции, а с другой, выражался в денационализации политики, экономики и социальной сферы, оставаясь при этом на периферии европейского патриотизма и коллективного суверенитета.

В наши дни можно с полным основанием задать себе вопрос: был ли положительный ответ, данный на теперь уже преодоленные внутриевропейские конфликты, действительно, необратимым, учитывая, что обещание общего светлого будущего так и не было исполнено? Люди опять начинают задумываться над этим чрезвычайно серьезным, по своей сути, вопросом.

Союз, созданный для европейской интеграции, фактически отошел от изначальной высокой цели после окончания холодной войны и выхода из тени НАТО. С этого времени ЕС находится в состоянии кризиса и с трудом выживает в открытом и нерегулируемом пространстве глобальной конкуренции, которая усиливается процессом глобализации. Тому есть множество доказательств в политике, культуре, экономике, в военной области и т.д. Похоже, что европейская интеграция достигла своего допустимого предела.

Существуют, по крайней мере, три реальные причины, объясняющие кризис стратегического доверия, который ощущают европейские народы.

- Прежде всего, у Европейского Союза не существует единой модели создания сильной Европы, которая могла бы противостоять кризису многополярности. Таких моделей целых три, и они не сочетаются друг с другом. Проще говоря, есть: британская модель большого открытого рынка; немецкая модель, основанная на сильном гражданском обществе, социальной сфере и торговле; и французская модель глобального могущества, предпола-

гающая единую стратегию, развитие промышленности (в том числе военной) и культуры. Попытки выработки единой модели сталкиваются с препятствиями, когда речь заходит о сильной Европе. Это продемонстрировало фиаско, которое потерпел проект так называемой европейской обороны.

- Затем Европейский Союз дал себя завлечь, разумеется, под универсальной вывеской евроатлантизма, в глобальный западный проект мировой экономической и стратегической экспансии. С окончанием холодной войны этот проект столкнулся с необходимостью выбора между углублением и расширением. ЕС выбрал бездумное расширение, и начальный проект потерял свою целостность. Вместо того чтобы работать над укреплением внутренних механизмов управления, он предпочел отвечать на многочисленные вызовы глобализации. При этом ЕС не подумал о том, чтобы более четко определить свою ответственность и свои собственные интересы, которые оказались размытыми в динамике либеральной экономики.

- И наконец, он с воистину постмодернистской легкостью подошел к простым, вечным и основным стратегическим вопросам, касающимся границ, инфраструктуры, энергетики, торговли и валюты. ЕС не смог определить и занять четкую и убедительную геостратегическую позицию и не пожелал определить свое место в обеспечении глобальной безопасности, предпочтя оставаться под внешней опекой.

Поэтому ЕС оказался на распутье, порождая скептиков, разочаровывая партнеров и конкурентов. Россия, а затем и Китай обеспокоены его хрупкостью и пользуются ею в своих интересах, как в свое время делали США. Как же вывести ЕС из этого тупика?

Следует пересмотреть подход к европейской интеграции.

В нашем быстрорасширяющемся мире уже невозможно вернуться к объединенной Европе в составе 15, 12 и даже шести членов. Европейская мечта отцов-основателей, если предположить, что она была основана на правильном анализе, который привел к созданию в 1950-х годах ЕОУС, Евратома, ЕОС или ЗЕС, сегодня кажется недостижимой и устаревшей. Это касается и наднационального характера ЕС, подменившего собой исторические формулы в виде национальных, федеративных или конфедеративных государств. Наднациональность была отвергнута народами с различным политическим опытом, и поэтому скептически относящимися к этому понятию.

Так стоит ли бесконечно биться головой о стену некоей универсальной наднациональности, которую отвергают народы? Зачем еще более расширять ее, затеявая переговоры о евроатлантической зоне свободной торговли, за которую ратуют американские партнеры, пользуясь нашей слабостью.

Чтобы выйти из этого тупика, у некоторых возникает искушение еще более ослабить государства и передать еще больший объем их функций неким горизонтальным структурам, использующим опыт функционирования многонациональных систем. Подобный утилитаристский подход подменяет государства и лежащие в их основе принципы промежуточными органами, которые считаются заведомо предпочтительными, потому что их деятельность строится на защите и совместном управлении общим достоянием планеты. Подобная политическая философия, легитимность которой вытекает из экономической глобализации, противоречит истории народов и отвергает их самобытность.

Старый Европейский континент не может на это пойти, потому что его народы имеют иной социально-политический опыт. Поэтому нужно способствовать их самоорганизации и выбору такой модели будущего, которая уважала бы их историческую самобытность.

Как переделать общеевропейский проект?

Я не вижу другой возможности кроме решительного движения ЕС по пути создания еще большей Европы – от Атлантики до Урала и от Нордкапа до Сахеля.

Необходим более гибкий, открытый и менее застывший союз. Он должен существовать в более широком и смелом формате, отвечающем потребностям ускоренной глобализации нашей планеты, насчитывающей 7 миллиардов жителей. Одновременно с глобализацией мы наблюдаем и ускоренную регионализацию вокруг неоднородных полюсов, как Китай, Индия и Африка, каждый из которых объединяет полтора миллиарда человек. Поэтому проведение менее жесткой интеграционной политики позволяет сохранить геополитическую целостность и занять подобающее место на нашей планете с постоянно растущим населением.

Такая формула расширенной европейской семьи позволила бы углубить там, где это возможно, многочисленные традиционные связи, такие как полностью интегрированный Рейнский регион, существующий со времен Каролингов, ганзейское пространство на Балтике, дунайская речная артерия, западный средиземноморский бассейн, британско-скандинавский архипелаг, германо-славянское сотрудничество и более рационально устроенное славянское пространство. Это, как я уже говорил, определяется историей и географией.

А российскому миру это позволило бы дать новую жизнь своим европейским корням, в результате чего обновленная Евразия смогла бы послужить мостом и буфе-

ром между белой Европой и желтой Азией. Одновременно с этим Европейско-Средиземноморский регион мог бы послужить мостом между белой Европой и черной Африкой. В то же время евроатлантизм позволил бы сохранить общие исторически сложившиеся интересы, существующие у европейцев и американцев.

Так мог бы выглядеть общеевропейский проект в масштабах всего континента. Он был бы не объединением образца XIX и XX веков, а партнерством, основанным на социально-исторической близости и общности судьбы и интересов.

Европа снова должна занять центральное место и проводить гибкую политику.

В то время как американская стратегия начинает ориентироваться на Запад и Азию, Европу вынуждают быть восточным форпостом США, который призван защищать общие интересы Запада в регионе. Многие натовские эксперты полагают, что у ЕС появился шанс, поскольку ему позволено осуществлять стратегическую задачу. Это было бы новым предназначением европейцев в рамках НАТО. При этом американцы ограничились бы только политическим управлением и стратегическим контролем.

Мне кажется, что этот новый подход американцев действительно дает Европе шанс. А именно: теперь уже относительная мощь Америки позволит Европе освободиться от ее опеки и проводить собственную политику, исходя из своего стратегического опыта.

Как я уже говорил, европейская конструкция является исторической необходимостью, поскольку дает политический и экономический ответы на вызовы современности. Это еще и полезный, и плодотворный коллективный подход в наше время глобализации экономики и финансов, когда даже Великобритания отделилась от континента.

Поэтому, как мне представляется, Европа должна быть единой, но не в виде осажденной крепости, а в качестве пространства с достаточно гибкой структурой, чтобы вобрать в себя и поставить на службу развитию все внутренние различия. Это и энергетическая целостность, и безопасность, обеспечить которые позволяет сотрудничество с нашими славянскими и азиатскими соседями, и зона совместного экономического процветания с североафриканскими соседями.

С нашей стороны Атлантики нам большего всего требуется коллективная безопасность европейского пространства. Она должна строиться на общих региональных интересах, а не на противоракетном щите, разработанном вне Европы, чтобы отразить гипотетическую атаку из кризисной зоны, трагедия которой носит преимущественно социальный и экономический характер. Внутри общеевропейского пространства следует обеспечить более тесные связи между однородными центрами, которые, как Германия и Франция, стремятся связать себя общей судьбой. Необходимо также налаживать тесное военное сотрудничество там, где это возможно, как это сделали два года назад Великобритания и Франция. Нужно собрать воедино и те страны, которые стремятся к сотрудничеству в Средиземноморье, как пытаются сделать страны латинской Европы и Магриба по формуле 5+5.

Может ли Европейский Союз в его настоящем виде претерпеть эту метаморфозу в направлении большего прагматизма? Сомневаюсь, что это возможно, особенно если мы будем по-прежнему замыкаться в пределах нестабильной еврозоны, подозрительно относясь к соседям, стратегически следуя внешним проектам и пассивно подчиняясь хищническим финансовым системам с криминальным уклоном.

А теперь несколько слов о реалистичной стратегии в дополнение к общей политической картине.

Как можно констатировать, на протяжении веков европейские державы воевали в основном между собой, причем часто конфликты были связаны с вопросами территориального суверенитета или национального соперничества. Поэтому, как только сосед перестает быть врагом и становится в первую очередь партнером, у европейцев не оказывается врагов в ближнем окружении и они начинают отдавать предпочтение партнерским отношениям.

Европейцев часто обвиняют в трусости и пацифизме, в то время как их можно только поздравить с этим проявлением мудрости, добытым дорогой ценой. Подлинные границы Европы – это границы между народами, которые на собственном трагическом опыте научились жить без конфликтов, не противопоставляя себя друг другу. И если их упрекают в недостаточном финансировании военных расходов и стремлении к миру, это, скорее, потому, что они раньше других поняли: военная победа достигается не тогда, когда замолкает оружие, а когда устанавливаются отношения добрососедства и развития, основанного на общности интересов.

Я надеюсь, что, изложив эти мысли, я смог доказать, что, с одной стороны, уважение к истории, географии и культуре, а с другой стороны, признание национальных различий лежат в основе европейской стратегической парадигмы. Это тот необходимый фундамент, на котором стоит Европа с населением в миллиард человек, которые, возможно, никогда не сольются в рамках политического союза. Но это та Европа, которая сможет объединить нации и народы в стремлении к сотрудничеству во имя будущего.

Ален Корвез¹⁰

НАТО – препятствие для создания Большой Европы наций

После окончания Второй мировой войны западноевропейские страны (Бельгия, Франция, Люксембург, Нидерланды, Великобритания) обращаются за помощью к США, опасаясь возросшего влияния сталинского СССР. В 1948 году они подписывают Брюссельский договор. Пражский кризис в марте 1948 года и блокада Берлина заставляют другие страны интересоваться договором, начинается складываться военный союз. После внесения 4 апреля 1949 года в Конституцию США поправки, запретившей любые военные союзы в мирное время (резолюция 239 сенатора Ванденберга, принятая в июне 1948 года), создается Организация Североатлантического договора на базе соглашения западноевропейских стран с США и Канадой.

В преамбуле договора говорится, что НАТО придерживается общепризнанных ценностей, таких как мир, свобода, безопасность, верховенство закона и уважение к Уставу ООН. Мы знаем, как эти красивые слова-штампы были впоследствии интерпретированы, когда была создана идеологическая концепция для оправдания военного вмешательства в дела стран, которые были не в состоянии дать отпор силам НАТО. Военное вмешательство в

¹⁰ Ален Корвез – полковник в отставке, бывший советник главнокомандующего ЮНИФИЛ, Париж, Франция. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

дела других государств стало возможным благодаря Резолюции 688 Совета безопасности ООН от 5 апреля 1991 года, посвященной иракской проблеме. Эта резолюция была принята по французской инициативе, ее поддержали США и Великобритания. Против проголосовали три государства, два воздержались (Китай и Индия).

После присоединения ФРГ к Североатлантическому альянсу Советский Союз и семь восточноевропейских государств подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, получивший впоследствии название «Варшавский договор». Он был подписан 14 мая 1955 года по инициативе Никиты Хрущева.

После распада СССР Варшавский договор, лишившись самого смысла своего существования, был упразднен 1 июля 1991 года.

Вследствие распада СССР равновесие в Европе и мире было нарушено. Влияние США резко возросло. Несмотря на исчезновение Советского Союза, блок НАТО не только не был распущен, но стал преобразовываться в инструмент расширения американского влияния. Оно стало распространяться, в том числе и на европейские страны, вышедшие из советского блока и искавшие нового сильного союзника. Одна за другой восточноевропейские страны прячутся под американский зонтик безопасности, стремясь одновременно войти в ЕС. Евросоюз резко расширяется, чем провоцирует опасное изменение стабильности Европы, которая вследствие скоропалительного расширения отходит от принципов создания единого политического союза в пользу рыхлой конфедерации.

Вплоть до прихода к власти Путина Америка насаждает свои ценности во всем мире и предлагает войти в орбиту своего влияния даже государствам, традиционно географически и политически связанным с Россией. Америка без

всякого стыда проводит эту политику, встречая сочувствие у новых руководителей, с энтузиазмом поддерживающих экономической и политической либерализм, который после многих лет коммунистического строя выглядел как единственная панацея от всех бед. Под боком у России, например на Украине, во имя свободы и прав человека вспыхивают так называемые цветные революции, поддерживаемые различными НПО, которые в значительной степени финансируются западными – американскими, а также европейскими фондами. Россия все теснее окружается сетью враждебно настроенных стран. ЕС участвует в этой стратегии, предлагая всему континенту вступить в НАТО, которое отныне выглядит как гарант безопасности для тех, кто стремится жить свободно.

В августе 2008 года в ходе войны с Грузией путинская Россия четко дает понять, что амбиции американцев для нее неприемлемы. Вновь став сильным государством, находящимся в стадии политического и экономического возрождения, она более не позволяет хозяйничать в ее «зоне влияния».

В обозримом будущем Америка, предвидя возрождение России и других мировых держав, постепенно откажется от своего стремления к мировому господству. В последнее время, после переизбрания Обамы, США берут на себя обязательство согласовывать с Россией методы урегулирования кризисов, что мы сегодня наблюдаем в «сирийском вопросе».

В это же время Россия создала новые соглашения и союзы с естественными партнерами. Шанхайская организация сотрудничества (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) или Организация Договора о коллективной безопасности (Россия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Белоруссия) представля-

ет собой организацию, уважающую национальный суверенитет. Показательным является тот факт, что Турция, разделяющая далеко не все взгляды государств – участников этих организаций, получила статус наблюдателя в ОДКБ.

Вырисовывается новая расстановка сил в глобальной политической системе. Именно благодаря ей можно решать конфликты интересов и сохранять мир.

ЕС использовал желание США контролировать европейскую безопасность в своих интересах. Европейцы отдали вопросы обороны на откуп Америке для того, чтобы использовать высвободившиеся экономические ресурсы для развития. Государства – члены ЕС – были рады сократить военные расходы во имя роста общественного богатства.

В результате Европа как политический фактор перестала существовать. Наднациональная химера политической интеграции не может реализовываться вопреки национальному суверенитету. Европейская оборонная система не прогрессирует, так как она не интересует никого из европейцев кроме французов. Последние продолжают верить в ее необходимость, несмотря на отсутствие сильной политической власти, способной ее построить. Французы совершили ошибку, когда поверили, что, вернувшись в 2009 году в военную организацию Альянса на саммите в Страсбурге и Келе, они смогут принять участие в развитии интеграционных процессов в рамках НАТО, которые должны были стать более тесными, чем в структурах ЕС.

Но факты есть факты, и де Голль был прав: «Мы не смешиваем нации, как каштаны, в пюре». Он выступал за Европу наций «от Атлантики до Урала» вопреки желанию большинства европейцев, потому что верил – США должны остаться союзником, но будущее Европы должно фор-

мироваться именно на Европейском континенте, то есть совместно с Россией.

Будучи уже не у власти, он говорит в 1970 году Мальро: «Они одержимы демократией с тех пор, как они ее лишились. Антифашизм по-своему хорош. Но о какой демократии идет речь? Сталин, Гомулка, Тито, Перон? Мао? У Соединенных Штатов был свой монарх – Рузвельт, им его недостает. Иллюзии Кеннеди обречены. Вы, как и я, знаете, что у Европы есть лишь два пути: либо заключить соглашение между государствами, либо перестать существовать. Мы – последние европейцы в Европе, которая была христианской. Разделенная Европа, продолжающая существовать Европа, народы которой ранее ненавидели друг друга, была более реальной, нежели та, которая существует сегодня. Да! Да! Вопрос уже более не в том, является ли Франция частью Европы. Необходимо понять, что с исчезновением Европы Франция также погибнет».

Де Голль говорил: «Я сделал все, что мог. Если суждено увидеть закат Европы, посмотрим на него, ведь такое случается не каждое утро».

Печально признавать, что сегодня слова генерала по-прежнему актуальны. Утопическая идея Кеннеди о том, что Европа может стать главной силой НАТО, так и не была осуществлена. Американское управление Альянсом было неизменным принципом, и ни одна страна, кроме Франции времен де Голля, не протестовала против этого. Меморандум де Голля, адресованный Эйзенхауэру и Макмиллану в сентябре 1958 года, ответом на который был отказ, спровоцировал в марте 1959 года вывод французского флота из Средиземноморского сектора НАТО, в июне 1963 года – из Атлантического флота, и, наконец, весной 1966-го де Голль окончательно свел на нет французское присутствие в Альянсе.

Когда в 1966 году де Голля спросили, в чем заключается интеграция, он написал, что она характеризуется субординационизмом и автоматичностью.

Морис Кув де Мюрвиль в своей книге «Внешняя политика» в 1971 году пишет: «Выход Франции из Атлантического Альянса стал одной из самых зрелищных, сложных и трудно представимых операций своего времени. Устав НАТО, спустя двадцать лет после окончания холодной войны, удерживал Францию в ситуации, которая наносила ущерб самим основам национального суверенитета и могла оказывать серьезное влияние на политику при слабом правительстве. Срок действия устава, составленного в кризисный период, так и не был определен. Общественное мнение настолько привыкло к кризису, что бессрочность документа никого не удивляла.

(...) Никто не мог понять, что она (операция по выходу) имела целью различными путями скорректировать наши отношения с Америкой на основе вновь обретенной независимости и без какого-либо подрыва дружеских отношений. В конечном счете, операция носила исключительно политический характер».

Опыт показывает, что европейцы совершили три основные концептуальные ошибки.

Во-первых, строительство технократического Европейского Союза, ежедневно, поступательно уничтожающего национальный суверенитет, обретает черты диктатуры, все чаще отвергается народами и имеет зыбкие основания.

Во-вторых, создание единой валюты, кризис которой, в сущности, стал неуправляемым. А именно валюта всегда была и остается отражением экономики.

В-третьих, вассальная зависимость от НАТО, которая исключает возможность серьезно заняться защитой интересов, которые можно назвать общими.

Свободные в своем выборе европейцы должны строить Великую Европу совместно с Россией. Все говорит нам о том, что именно совместно с Россией мы должны решать вопросы энергоснабжения, связи, телекоммуникаций, безопасности и защиты от угроз терроризма.

Все это не мешает нам поддерживать с американскими союзниками доверительные и партнерские отношения по многим международным проблемам. Однако существование НАТО в его нынешнем виде не имеет смысла и, напротив, мешает созданию Большой Европы – плода договора суверенных наций, разделяющих общие интересы и цели.

Новая стратегическая концепция НАТО, принятая в Лиссабоне в 2010 году и подтвержденная в 2012 году в Чикаго, расширяет влияние Альянса, дублируя европейские соглашения по безопасности и общей обороне. Иначе говоря, к нашим идеям не прислушиваются.

Настало время для Европы вспомнить свою историю и географию. Особенно это касается Франции – западной границы континента. Нужно посмотреть на Восток, где находятся ее экономические интересы.

Для этого Европа должна отказаться от наднациональных химер и опереться на реальную действительность. Безусловно, Франция и Германия должны будут играть ведущую роль в жизни Большой Европы. Если Германия имеет хорошо развитую промышленность и трудолюбивое население, то Франция, в свою очередь, обладает международным влиянием, ее интересы распространяются далеко за пределы ее границ.

Франция – единственная держава на континенте, которая самостоятельно контролирует ядерное оружие, делающее ее неуязвимой. С ней не может сравниться ни одна европейская страна. Это – реальность, которую поймут и

примут европейские страны, когда Франция станет сильной, уверенной в себе и независимой в своих решениях державой с армией, способной заставить себя уважать во всем мире. Она призвана стать закваской новой Большой Европы наций от Атлантики до Урала, наций, которые будут сотрудничать в области общих интересов, определенных свободно, беспрепятственно и совершенно независимо. Россия, безусловно, к этому уже готова. Еще несколько лет назад Путин сказал, что Евросоюз является лишь пережитком прошлого и что Россия будет вести диалог только с государствами. «Существует двадцативековая взаимосвязь между величиной Франции и мировой свободой» (Шарль де Голль).

НАТО и Евросоюз показали свою неспособность противостоять современным вызовам и угрозам. Во время операции в Мали Франция в одиночку отреагировала на угрозу исламистов, которые намеревались захватить Бамако после оккупации северной части страны. Франция получила лишь словесную поддержку со стороны ЕС. Военный комитет Евросоюза до сих пор готовит планы по вторжению в Мали. На словах была получена поддержка и со стороны НАТО, однако Альянс фактически отсутствовал на этом театре военных действий. Это свидетельствует о том, что Евросоюз не способен исполнять роль мирового жандарма, в то время как Франция имеет собственные обязательства, а также зоны интересов и влияния в мире.

В настоящее время НАТО – препятствие для Большой Европы наций, потому что оно по-прежнему позиционирует себя как блок, враждебно настроенный по отношению к России. Генерал Жан-Поль Паломерос, занимающий должность главы Объединенного командования по трансформации НАТО, которая была дана Франции в награду за возвращение в Альянс (эта должность аналити-

ка, занимающее ее лицо никак не влияет на проведение операций), признает это, говоря дипломатическим языком: «Вопрос взаимоотношений между Россией и НАТО носит очень политизированный характер, он весьма чувствителен, и уровень чувствительности зависит от отдельных стран – членов Альянса. Эта тема остается по-прежнему чувствительной для всего Альянса. Существует Совет НАТО–Россия, который работает удовлетворительно, и в наших же интересах, чтобы НАТО и Россия укрепляли обоюдное сотрудничество».

Я закончу словами хорошего американского эксперта по стратегии Джорджа Фридмана, основателя и директора американского агентства «Стрэтфор» (Stratfor). В мае прошлого года он нарисовал реалистичный и толковый образ НАТО. Название статьи весьма символично – «Ностальгия для НАТО». Заканчивается она следующим параграфом: «Я не знаю, может ли НАТО существовать вне холодной войны. Скорее всего, нет. Что прошло, то прошло. Но я знаю, что моя тоска по Европе – это не только воспоминания моей молодости, но и воспоминание о той эпохе, когда западная цивилизация была сплочена. Я сомневаюсь, что мы снова обретем такую же Европу».

В ноябре 2007 года, во время своего выступления перед Форумом за Францию посол Франции Габриэль Робен не без сожаления сказал, что международное право, которое содержит идею о невмешательстве во внутренние дела государств и о соблюдении общепризнанных границ, было нарушено лидерами глобального мира. Эти революционеры-постнационалисты считают, что существование национального суверенитета безнравственно и неоправданно, что границы – это барьеры, а также что ООН неспособна устанавливать и поддерживать демократию, что лучшая альтернатива ООН – это НАТО, которая оправ-

дывает применение военной силы во имя защиты либерализма и прав человека».

Эта постнациональная философия стала разрушительной силой, так как она желает передела мира на свой манер. Она стремится извратить институты, основанные на нациях. Она объявляет аморальным абсолютно все, что не является наднациональным, заявляет о своем монопольном праве решать, что считать добродетелью, и оказывается лицемерной, так как решает что хорошо, а что плохо.

Безусловно, эта пагубная идеология находится на службе у финансовой глобализации, которая не терпит никаких препятствий для насыщения своего хищнического аппетита.

Александр Трубецкой¹¹

Франция и Россия: преимущества долгосрочного партнерства

Часто возникает вопрос о смысле партнерских отношений с Россией.

Вследствие холодной войны и особенностей экономического развития после Второй мировой войны Европа сохранила атлантический взгляд на мир, но в это же время географическая близость и значительный потенциал России дают нам возможность посмотреть на мир с точки зрения континентализма.

Некоторое время назад я познакомился с терминами «атлантизм» и «континентализм» в *Revue de la défense nationale* и считаю данные понятия весьма любопытными, потому что они могут помочь в определении европейского и особенно французского взгляда на мир.

Если мы примем континенталистскую точку зрения, то Россия будет отождествляться не с железным занавесом, а с естественным и многообещающим направлением наших экономических отношений, которые должны стать чем-то большим, чем классические отношения поставщик/клиент, как это было в течение долгого времени в советскую эпоху. Ориентированные на континентализм, наши отношения требуют сегодня доверительного партнерства.

¹¹ Князь А.А. Трубецкой – исполнительный президент Ассоциации «Франко-российский диалог», член правления Благотворительного Фонда Святителя Василия Великого. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

Конечно же, необходимо лучше понимать друг друга.

Западному человеку, желающему развивать отношения с Россией, необходимо помнить, что любые отношения с российскими партнерами зиждутся на восприятии времени. Восприятие личных отношений весьма отличается от более взвешенных профессиональных отношений, которые могут быть установлены с партнерами – носителями англо-саксонской культуры.

В остальном нет ничего легче. Франция и Россия давно знают друг друга благодаря общей истории и особенно благодаря огромным двусторонним связям, которые существуют в области литературы, музыки, архитектуры, науки, а также в экономике и индустрии. Например, в автомобилестроении, самолетостроении, в космической, нефтяной и газовой отраслях, в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, в фармацевтике, в сфере услуг и пр.

Так чего же мы ждем?

Французы, зараженные неизлечимым недугом картезианства, часто проявляют излишнюю осторожность во внешней торговле и особенно в отношении России. Прежде чем начать и вложить деньги, мы часто добиваемся 100% гарантии успеха.

Но чтобы не остаться в долгу, мы говорим, что у русских другая неизлечимая болезнь, которую мы, на Западе, называем чеховским духом, то есть весьма мудреное понимание человеческой природы.

И все же Россия способна предоставить мировым игрокам гарантии против рисков.

Я представлю несколько факторов, говорящих сами за себя.

Безработица в ЕС в среднем на уровне 11%, а в России сегодня – 5% по стране и ниже 1% в крупных городах.

Количество рабочих мест в России постоянно увеличивается, что привлекает все больше квалифицированных работников не только из стран бывшей (советской) империи, но и с Запада.

Это, кстати, поняли многие международные агентства по трудоустройству, активно работающие на российском рынке труда, на котором часто не хватает квалифицированных кандидатов.

COFACE¹² анализирует квалификацию российских соотрудников.

Крупные индустриальные проекты в сфере инфраструктуры и услуг создают рабочие места высокого уровня, что в результате улучшает уровень жизни. В России наблюдается укрепление среднего класса.

Это легко заметить в связи с увеличением количества российских туристов, представителей среднего класса, посещающих страны ЕС, и особенно Францию (и уже не только наши солнечные края или горнолыжные курорты). Эти новые туристы все чаще вкладывают собственные деньги в современную недвижимость, а не во дворцы, как это было некоторое время назад.

Я настаиваю на необходимости контактов с Россией, где очень четко наблюдается улучшение условий жизни, системы здравоохранения и социальных услуг, причем это стало для россиян приоритетным направлением. (Приведем в качестве примера недавнюю критику президента Путина в адрес собственного правительства в ходе его визита на Северный Кавказ, когда местное население пожаловалось ему, что социально-жилищная помощь так и не поступила, несмотря на обещания).

Как я уже сказал, средний класс постоянно увеличивается, что указывает на то, что Россия большими шагами

¹² Французская страховая компания в области внешней торговли – Прим. пер.

движется в направлении исчезновения пропасти между очень богатыми и крайне бедными. Мы лицемерим возрождение настоящего гражданского общества, которого так не хватало после краха советской системы.

После ошутимого кризиса в России в 2009 году темпы экономического роста были пересмотрены в сторону понижения, но все же колеблются между 3 и 4% в год.

Однако благодаря наглядному восстановлению экономики начиная с 2010 года, российское правительство ставит целью достичь роста в 5%, и это кажется реалистичным.

Эти данные были подтверждены МВФ, который прогнозирует медленный, но верный рост ВВП в ближайшие годы:

- 3,6% – в 2012 году,
- 3,7% – в 2013 году,
- 3,8% – в 2014 году.

Инфляция находится на уровне 6% и довольно хорошо управляема. Курс рубля следует международным валютным колебаниям, но остается достаточно стабильным.

Внешний долг составляет 3% ВВП.

Напомним, что ВВП на 50% ниже среднеевропейского ВВП.

В 2012 году в России нет бюджетного дефицита, и, кроме того, страна обладает огромными валютными резервами, которые составляют более 500 миллиардов долларов.

Я привожу последние цифры, которые были озвучены премьер-министром Медведевым на форуме в Давосе, а также те, что приводятся в *COFACE*.

Российское правительство наметило себе несколько приоритетных целей в области инвестиций, главная из которых – технологическая модернизация во всех областях.

Для достижения этой цели Россия делает ставку на:

- а) увеличение на 10% в год иностранных инвестиций;
- б) увеличение российских инвестиций во Франции и в ЕС;
- в) постепенный рост производства и экспорта готовой продукции по сравнению с сырьевым экспортом.

Недавно по инициативе посольства был создан Клуб российских инвесторов во Франции. Это указывает на реальное желание содействовать российским инвестициям за границей (*Gefco, Transaero*).

Однако мы должны быть более активными, потому что Россия все более интересна нашим конкурентам со всего мира.

Согласно данным французско-российской обсерватории, в 2009 году Франция была пятым поставщиком в России, сегодня она уже восьмая.

Мы остаемся третьим европейским поставщиком, но далеко позади Германии и Италии.

Впрочем, некоторые французские инвесторы добились впечатляющих успехов: *Renault, Nissan, PSA, Auchan* – имеющий более 20 000 рабочих мест в России, *Alstom* – держатель около 25% акций железнодорожного гиганта «*Трансмашхолдинг*». Кроме того, *Schneider, Air Liquide, Total*, группа *Ribout* в пищевой промышленности и многие другие. И это не считая контракта о военном сотрудничестве в судостроении, что само по себе является примером не-атлантизма.

Наши регионы не остались в стороне, и несколько раз в месяц я узнаю о сотрудничестве с Россией местного малого бизнеса. Приведу лишь один пример: рождественская ярмарка – эльзасская традиция, ставшая фурором в Москве, несмотря на очень суровую зиму.

С российской стороны я напомню о покупке *РЖД* акций компании *Gefco* (это 9000 рабочих мест в Европе, полови-

на из которых во Франции), о *Transaero* (полеты из аэропорта Орли) и в пищевом секторе о российском бизнесе по производству шоколада в Провансе.

Российские регионы становятся более активными, о чем свидетельствуют делегации из Тулы, Владимира, Калуги и других регионов, которые не боятся заявить о себе у нас.

Я закончу выступление, сказав еще несколько слов о том, с чего я начал, – французско-российском диалоге.

Мы, как и многие другие, готовы предоставить вам информацию о России, сопроводить вас в вашей деятельности, указывая вам на хорошего потенциального партнера.

В этом году 28 ноября мы готовим проведение экономического форума в Париже. Мы приглашаем всех тех, кто будет в этом заинтересован, связаться с нами. Планируется участие известных фигур французского и российского бизнеса, как это было во время нашей конференции по транспортным вопросам в 2011 году.

Взаимоотношения между Францией и Россией более чем благоприятны. Все чаще появляются примеры успешного партнерства и взаимопонимания. Перестанем читать чересчур русофобскую прессу и начнем сообща работать над развитием наших долгосрочных партнерских отношений как в экономической, так и в культурной сферах.

В связи с этим хотелось бы вам напомнить, что в следующем году мы будем вспоминать столетний юбилей с начала Первой мировой войны и то, как благодаря российским наступательным действиям, которые заставили врага открыть второй фронт, Франция смогла победить в битве на Марне.

Иван Бло¹³

Россия и Европа перед угрозой упадка ценностей

Проблема ценностей

Ценности и знания – это разные вещи. Так, истина, добро и красота являются целями, определяющими поведение человека. Они появились не по воле некоего отца народов или по решению межведомственной комиссии, а еще в незапамятные времена.

Европа и Россия разделяют общие ценности, присущие одной цивилизации, наследнице Греции и Рима. Эти ценности воплотились в христианстве. Поэтому отрицать, что Европа является «христианским клубом», как это делают некоторые политики вроде Жака Делора или турецкого премьер-министра Эрдогана, значило бы отрицать историческую самобытность Европы.

Социальное значение ценностей проявляется в том, что они определяют общественное сознание. Если бы убийство и нечестность не подвергались всеобщему осуждению, общество давно бы распалось. Порядочность и взаимоуважение – вот что является общепризнанной ценностью. А также стремление иметь детей. Все это – подлинные ценности.

Проблема ценностей заключается в том, что они, как это было доказано такими философами, как Юм или лауреатом Нобелевской премии Хайеком, не являются поро-

¹³ Иван Бло – член Европарламента (1989–1999 гг.), доктор экономических наук, профессор социологии (Франция). Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

ждением разума. Они являют собой нечто среднее между инстинктом и разумом. XVIII век в Европе с его культом разума и пропагандой освобождения природы человека, в том числе инстинктов, оказался катастрофой для ценностей. Разум, этот «подлец», как говорил Достоевский, служил делу оправдания инстинктов. Но суть в том, что в отличие от животных для инстинктивного начала человека свойственны непостоянство и хаотичность. Сама природа человека устроена так, что, как писал антрополог Арнольд Гелен, ему требуются самодисциплина, культура и цивилизация. Начиная с XVIII века и вплоть до наших дней мы наблюдаем, как на Западе разрушаются традиционные ценности, берущие начало в христианстве и греко-римской цивилизации. В этом процессе особые заслуги принадлежат четырём лжепророкам, а именно: Вольтеру, Руссо, Марксу и Фрейдю. В XX веке тоталитарные псевдонаучные идеологии привели к массовым убийствам «во имя разума».

И наконец, уже в 60-е годы прошлого века произошла культурная революция, зародившаяся в недрах американских университетов. Она вызвала кризис наших ценностей, выдвинув лозунги типа «Запрещается запрещать» или «Не существует мужчин и женщин, а лишь субъективный выбор сексуальной ориентации».

Теперь мы можем констатировать, что если с 1946 по 1968 год количество преступлений во Франции составляло 1,5 миллиона в год, то с тех пор оно выросло, составив 4,5 миллиона. США являются абсолютным рекорсменом по количеству заключённых. Здесь их в 4 раза больше, чем во Франции, из расчета на тысячу человек. Правительства, за исключением российского, никак не отреагировали на эту ситуацию, сложившуюся в этой сфере.

Если мы рассмотрим четыре причины, сформулированные Аристотелем: материальную, формальную, побудительную и конечную, – мы получим четыре группы культурных ценностей, на которых стоят цивилизация и общество. Речь идет о ценностях, возведенных государством и правом в ранг обязательных норм. Это – семейные ценности, которые распространяются и на экономику, и, наконец, ценности духовные, которые воплощает религия. В каком же положении мы находимся по отношению к этим четырём группам ценностей? Американский утилитаризм, который низводит человека до уровня придатка экономики, ставит под сомнение многие из наших традиционных ценностей.

Культурные и моральные ценности

В этой области Европа и Россия являются наследниками римской империи и древнегреческой цивилизации. Речь идет о «пайдейе», или о воспитании гармоничной и образованной личности в физическом и духовном смысле (калокагатия). Это гуманистическое воспитание, одновременно католическое и светское, было отвергнуто во Франции. Теперь оно направлено не на формирование самодостаточных граждан, а на обучение узких специалистов, лишенных общей культуры. Как писал философ Хайдеггер, человек стал простым придатком экономической машины. Мы являемся свидетелями падения общей культуры и тяги к чтению. Одновременно происходит снижение уровня нравственности в первую очередь в рядах элиты общества, ибо, как известно, «рыба всегда гниет с головы».

Осуществляется подрыв устоев традиционной морали под разговоры о правах человека, хотя нам неизвестна их подлинная природа. У человека различают три

уровня мыслительной деятельности или три уровня разума.

Первый – уровень пресмыкающихся, который отвечает за инстинкты, второй (мезокортекс) соответствует мозгу млекопитающих и отвечает за эмоциональную сферу, и третий (неокортекс) является центром интеллектуальной деятельности. На Западе подавляется эмоциональный участок мозга, отвечающий за моральные ценности. Он считается реакционным! Сама мораль считается реакционным понятием! Зато стимулируются инстинкты и интеллектуальная деятельность на уровне пресмыкающегося. В результате появляются личности с отклонениями в поведении, как у бывшего директора-распорядителя МВФ. Но еще более опасно то, что в результате подобного вырождения появились такие преступники, как Гитлер или Пол Пот! Разум на службе примитивной агрессии приводит к варварству!

Поэтому необходимо утверждать важность морали, особенно гражданской, основанной не на разуме, а на традициях, которые, как всегда утверждало христианство, воспитываются за счет духовности. Это должно быть основой как для Европы, так и для России.

Нападки на семейные ценности

С мая 1968 года во Франции больше не существует семейных ценностей. «Никаких препятствий для наслаждения» – гласил лозунг, выдвинутый в мае 1968-го теперешним евродепутатом Даниэлем Кон-Бендитом, которого обвиняют в педофилии. В 1970-е годы из США пришла гендерная теория, последователи которой утверждали, что пол соответствует выбранной ориентации. Цель этой теории заключалась в разрушении монополии нормального, то есть гетеросексуального брака. С этого времени

в Европе происходит драматическое падение рождаемости. Европейцы перестали рожать детей, а численность населения количественно поддерживалась только за счет иммиграции из стран «третьего мира». В результате деградации института брака и массовой иммиграции вырванных из привычной среды людей рвется социальная ткань. В последнее время Франция стала содействовать проведению гей-парадов, легализовала однополые браки и сократила семейные пособия. В то же время в России был введен материнский капитал в размере 7700 евро, который выплачивался после рождения второго ребенка, и установлен официальный праздник – День семьи, любви и верности – с вручением наград.

Идеология, пришедшая из США, превозносит выбор в пользу добровольного отказа от детей (childfree) в противовес вынужденной бездетности (childless). С такой идеологией уже ослабленная Европа рискует совершить «демографическое самоубийство». Это случилось с Россией после распада СССР, но в последние три года положение начинает меняться к лучшему.

Следует также связывать семейные ценности с ценностями, заложенными в собственности и предпринимательстве. В прошлом семья была основой экономики. Французская налоговая система направлена против собственности и мешает людям наживать состояние за счет собственного труда. Мы знаем на примере Германии и Швейцарии, что семейные предприятия зачастую оказываются самыми эффективными и рентабельными. Но мы имеем дело с экономикой «менеджеров» и управляющих, которые стремятся получить краткосрочную прибыль в интересах акционеров, которые их наняли. Таким образом, государственное управление тоже строится на краткосрочных показателях, причем государство, вне

зависимости от того, стоят ли у руля правые или левые силы, безответственно накапливает долги. Общество без семейных ценностей тоже живет сегодняшним днем, не задумываясь о том, что оно оставит будущим поколениям. И в этом случае Европа могла бы взять пример с российской семейной политики последних лет и с России с ее небольшим государственным долгом.

Кризис национальных ценностей

Социалист Жорес говорил: «Единственным богатством бедных является их Родина». Сегодня у них пытаются отнять и эту ценность. Отечество предполагает определенную степень бескорыстия со стороны граждан. Так, смерть за Отечество была идеалом со времен Древнего Рима до наших дней. Но сегодня мы, к сожалению, являемся свидетелями маргинализации таких понятий, как самопожертвование солдата или священника. Политический класс думает только о личном обогащении. Отечество воспринимается как препятствие на пути создания нового человека, лишённого корней и проникнутого философией утилитаризма.

Более того, именно во Франции была сделана попытка оторвать патриотизм от христианского наследия, что противоречит всему, чему нас учит история. Во многих странах Европы церковь вносила свой вклад в спасение отечества, в частности, во время иностранной оккупации.

Отечество неотделимо от демократии с точки зрения политических институтов. Тем не менее, за исключением Швейцарии, мы живем, скорее, в условиях олигархии, чем демократии. В этом нет ничего нового, ведь еще де Голль разоблачил эту тенденцию. Мы должны восстановить подлинную демократию, как на национальном уровне, так и на уровне ЕС, который является олигархической карикатурой на демократию. Необходимо также снова

начать воспитывать молодежь в духе патриотизма, чтобы восстановить рвущиеся социальные связи.

Маргинализация духовных ценностей

И Европа, и Россия вышли из одной римско-христианской цивилизации. Христианство едино. Это религия воплощения Бога в человеке и обожествления человека, как говорили Святой Афанасий на Востоке и Святой Ириной на Западе. Христианство строится на уважении человеческой личности, которая неотделима от понятия морального долга.

Это равновесие нарушает идеология прав человека, в которой отсутствует понятие долга. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл недавно цитировал слова Достоевского о том, что свобода без морального долга приводит к человеческим катастрофам. В свою очередь, равенство без милосердия вызывает, как это показали революции, зависть и провоцирует убийства. Ну а братство без справедливости означает создание мафиозных кланов или братств, ограниченных их членами и существующих в ущерб остальным членам общества.

Я не ставлю под сомнение равноправие различных религий, но нет ничего оскорбительного в признании роли христианства в нашей общей истории, как и в том, чтобы сделать из этого практические выводы. Как сказал бывший президент Франции Николя Саркози, священник может проделать более эффективную работу, чем полиция или социальные службы, чтобы возродить моральные ценности и восстановить единство общества. Он призывал к позитивному, а не к антирелигиозному характеру светского государства.

В этом смысле Россия накопила ценный опыт сотрудничества между государством и Церковью. Не будем за-

бывать, что в свое время отрицание роли Церкви в общественной жизни привело к тоталитаризму и созданию государства без морального противовеса.

Возрождение культуры и подлинная демократия

Какие силы толкают Запад к разрушению традиционных ценностей? Это, конечно же, не народ, а, скорее, олигархические элиты, контролирующие СМИ, финансовую сферу, судебную систему и в конечном счете политику. Если провести референдум по вопросу однополых браков, его результаты отличались бы от итогов голосования в Национальном собрании.

Для сегодняшней Европы характерен все больший разрыв между элитами, поддерживающими новую псевдорелигиозную идеологию прав человека, и народом, предпочитающим традиционные ценности в виде семьи, классической морали и Отечества.

И наоборот, похоже, что этот разрыв не столь явно проявляется в России, где президент и правительство выражают волю народа, за что подвергаются критике со стороны некоторых олигархических режимов, ориентированных на Запад. Поэтому я считаю, что современная Россия, возможно, является более демократической, чем большинство европейских государств, ибо демократия – это прежде всего форма правления, отражающая волю народа. Что же касается Запада, то там заправляют лоббисты, отражающие волю меньшинства. Они игнорируют волю народа, что подтверждает тот факт, что они боятся референдумов.

Российская демократия молода, но разве это недостаток? Дело в том, что слишком старая демократия может прийти в упадок, растерять свои изначальные преимущества и превратиться в олигархию. Поэтому Россия, на

наш взгляд, более демократична, так как она ближе к ценностям, которые исповедует народ, чем наши западные олигархии. Их мощные рычаги влияния стремятся изменить нашу цивилизацию, лишить ее корней и создать на пустом месте новую мораль и нового человека без народной поддержки. В любом случае европейская и российская демократии имеют единое культурное наследие, которое необходимо защищать и развивать, противодействуя олигархии.

В условиях упадка ценностей, который пришел к нам из Америки в 1960-е годы, Европа и Россия должны вместе встать на защиту национальных ценностей, демократии и классической культуры, доставшейся нам в наследство от христианства. Как говорил де Голль, нужно опираться на народы Европы от Атлантики до Урала или даже до Владивостока. Он написал в своих военных мемуарах, что политические режимы возникают и исчезают, а народы остаются. Я добавил бы, что это касается и вечных ценностей, которые заложены в самой человеческой природе и выходят за границы нашего опыта.

Размышления о проблеме «Россия и Европа»

Проблема «Россия и Европа» (наряду с русской идентичностью) относится к так называемым вечным вопросам, важным отнюдь не только для русской жизни. В сегодняшнем, меняющемся не в пользу Запада, мире взаимоотношения и миропонимание Европы и России имеют ключевое значение не только для нашей общей Европы, но в немалой степени для будущего мировой политики.

На всем протяжении своей истории, от превращения Московии в Российскую империю, а затем в XX веке – в коммунистический СССР, этот феномен, независимо от наличия реальных противоречий, вызывал заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам одной семьи.

Политическая и историко-философская дискуссия о «России и Европе» в России до сегодняшнего дня развивается в интерпретации духовного смысла мировой истории и культуры. Но современная европейская элита сводит дискурс к узким политическим категориям, проявляя мессианизм либертаристских ценностей. Однако не случайно уже не одно столетие продолжаются дискуссии о том, принадлежит ли Россия к европейской цивилизации. Эту проблему не обошли вниманием крупнейшие рус-

¹⁴ Н.А. Нарочницкая – президент Фонда исторической перспективы (Москва), руководитель российского Института демократии и сотрудничества (Париж), доктор исторических наук. Выступление на конференции «Большая Европа наций: завтрашняя реальность?», Париж, 10 июня 2013 года.

ские умы прошлого в известных интеллектуальных спорах между западниками и славянофилами, которые, надо отметить, были вовсе не антагонистами, а разными гранями богатого на оттенки русского сознания. В XX веке разочарование в западном марксизме и отношении Европы к русской трагедии вызвало к жизни третье альтернативное течение – евразийство. Сегодняшний спор гораздо беднее философски, но куда воинственнее политически.

Отношение Европы к России изначально было отмечено скепсисом и недоверием ко всему отличному, что так свойственно евроцентрической мысли Старого Света. Достаточно заглянуть в «Шесть книг о республике» Жана Бодена, не делавшего разницы между мусульманской османской Турцией и чуждой и далекой православной ойкуменой.

Сегодня нервическое отношение к проблеме «Россия и Европа» также не изжито в основном именно Западом. Об этом как раз свидетельствует предложенная мне тема об «идентичности России». Ведь Европа не обсуждает родство с мусульманским или пантеистическим Востоком? Похоже, Европа построила свой рай на земле, но так и не избавилась от скепсиса по отношению к русской истории, неуверенности перед громадностью, потенциальной самодостаточностью России, а главное – перед ее извечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия.

Но что есть Европа? Это романо-германская культура, где человек – воплощение долга и чести в борьбе добра и зла? Или это доктрина «прав человека», система, где презрительная и теплохладная сентенция Понтия Пилата «что есть истина?» стала девизом современной либертаристской философии?

Является ли Россия частью Европы? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Вдумчивые исследова-

тели не считают Россию ни отсталой частью европейской цивилизации, ни ее православной антитезой, ни простым соединением или даже синтезом европейских и азиатских элементов. (Впрочем, что есть Азия? Это ведь и ислам, и пантеистический Восток...) Россия слишком велика и самодостаточна – поэтому она сама составляет своеобразную часть нашей общеевропейской цивилизации – русскую цивилизацию. Поэтому и очевидно, что узко западноевропейское измерение российской идентичности не исчерпывает. Однако Европа – это не только латинская Европа – это и православный опыт поствизантийского пространства.

Когда же мы были более всего едины? На мой взгляд, дважды: изначально до Просвещения и в XX веке – в период коммунизма. И это не парадокс.

Что является основой европейской цивилизации с идеей универсальных целей и ценности личного и всеобщего бытия? Американская Конституция? Декларация прав человека и гражданина? Нет. Христианское Откровение. Несмотря на многовековое соперничество великая романо-германская культура и русская православная культура имеют общую духовную апостольско-христианскую основу. И в одну цивилизацию нас объединяют не демократические клише, давно наполняющие конституции Африки и Индии, а Отче наш и Нагорная проповедь.

Спор о первенстве в обладании христовой истины, великая схизма разделили Европу и Россию, но отнюдь не сделали их разными цивилизациями. Романо-германская и русская православная культура стали двумя опытами и дали каждая своеобразный ответ на главный вопрос христианской истории – преодоление искушения плоти хлебом и гордыни – властью.

В православии и русском мировосприятии сильнее всего была выражена эсхатологическая сторона христианства. По мнению добросовестного исследователя русского общества начала XX века Стивена Грэма, Запад и Россия – это Марфа и Мария, добавим, к сожалению, разделенные.

Бердяев в своих рассуждениях о России часто подчеркивал, что «русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего». Наконец, Св. Серафим Саровский выразил идеал – «стяжание Духа Святого в себе».

Разделил нас вольтерьянский хохот. На пороге XX столетия, когда персонажи Золя уже вытесняли героев Шиллера и Э. Ростана, православная Россия, действительно, уже имела немного общего с той западной цивилизацией, что опиралась на рационалистическую философию Декарта, идеи Французской революции и протестантскую этику в отношении к труду и богатству.

Русская революционная интеллигенция бросилась догонять Европу. Но и на этом пути Россия опять по-иному выразила даже «апостасию» – отступление от Бога: гетевский Фауст – воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамазов – дерзкий вызов Богу русской гордыни, отвергающей идею милостивого и милосердного Бога из-за пощущения злу на земле.

Российские большевики, считавшие себя истинными наследниками Французской революции, яростно повторили провозглашенный якобинцами «революционный террор». Но европейцы упорно продолжали усматривать истоки большевизма не у Петра Великого, не у Робеспьера с гильотиной, даже не у Иоанна Лейденского и Томаса Мюнцера, а у Чингисхана.

Сама Европа, прежде всего «передовая» Франция, провела в 60-е годы левацкую бескровную революцию. В итоге само европейское мышление к сегодняшнему дню превратилось из либерального в либертаристское и мессианское.

Можно сказать, что демоны индивидуализма и бесы социальности – вот кто яростно столкнулся в конце XX века. При этом либертаристская и даже атеистическая Европа по-прежнему сохраняет извечные западные фобии в отношении Православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папства и насмешника Вольтера, для маркиза А. де Кюстина и К. Маркса; да и для философа-маоиста Андре Глюксманна – «царизм», «советский» – он же «русский империализм», «филофейство», «византизм», варварство варягов.

Так, на рубеже XXI века проблема «Россия и Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна, в которой соперничали идеи вновь из одного родового гнезда – на сей раз Просвещения. И это соперничество опять носило характер семейного спора. Коммунизму и либерализму – кузенам, обоим детищам философии прогресса равно свойственно самоотжествление с вселенскими идеалами. Обе доктрины стремятся достичь равномерного одномерного мира без нравственного целеполагания – материалистического и космополитического.

Запад построил свой рай на земле, который действительно поражает своим благосостоянием, но вряд ли чем-то другим. Куда ты идешь, Россия? – задает вопрос Европа. Но порой и мы в недоумении вопрошаем, куда идет Европа?

Для русских Европа, Франция – всегда были культурным понятием. И сегодня русские приезжают во Францию лю-

боваться дворцами и мостами, Собором Парижской Богоматери, музеями, замками Луары, вкушать благоустроенного быта французской глубинки, отведать французской кухни. Они мечтают увидеть галантных героев Дюма, для которых честь и долг дороже жизни, и элегантных дам, которые, увы, встречаются лишь в старшем поколении. Но никого из русских не вдохновляют троцкистские посягательства на семью «ювенальной юстиции» и парады сексуальных меньшинств – однако этим «апогеем демократии и прогресса», похоже, Западная Европа гордится сегодня больше, чем Лувром.

Постсоветская интеллигенция, прошедшая через 75 лет принудительного атеизма, поражена неожиданной для нее левизне и атеизму французского интеллектуального сообщества. Тщетно искать сейчас на Западе примеры духовного поиска смысла бытия. Быть рабом своей плоти и своей гордыни, жить по принципу «где хорошо, там и Отечество» – вот что кажется сегодня смыслом жизни европейского «демоса». Но этот «демос» все еще слепо уверен в своей мнимой «кратии», хотя за спиной охлоса судьбами Европы и мира вершит всеильная олигархия, которая не реагирует даже на массовые протесты недовольных проводимой политикой. Не пора ли дискутировать не о пути России, а о «пути демократии»? Обсуждать ее давно нужно только в рамках «теории элит».

Поистине, русский интеллигент прошлого, очарованный улыбкой Джоконды и шекспировскими страстями, блеском картезианской логики и жаждой познания Гете и павший перед заклинанием «свободы, равенства и братства», увидел бы в III тысячелетии лишь кабалистические столбики Internet и «Царство Банка» Жака Аттали. Банк – вот подлинный хозяин «liberté», крушитель цивилизаций и могильщик великой европейской культуры.

Евросоюз территориально вырос, но «Старая» Европа утрачивает духовную перспективу, и это опаснее, чем финансовый кризис. Европа в сознании европейской элиты – это гигантское хозяйственное предприятие для удовлетворения индивидов, напоминающих эпсилонизированных антиутопии О. Хаксли. Европейская конституция – скучнейший образчик творчества либерального «Госплана». Еще философ К. Шмитт не без сарказма предсказал схожесть марксовского и либерального экономического демонизма: «Картины мира промышленного предпринимателя и пролетария похожи, как братья-близнецы – это тот же идеал, что у Ленина – «электрификация» всей земли. Спор между ними ведется только о методе».

В разделе «ценности» вообще не перечислены оные. «Священные коровы» либерализма XXI века – «права человека», «свобода» и «демократия» – это лишь возможности для реализации ценностей. Так для чего же Европе нужна Свобода? Чтобы «гнать перед собой врагов и грабить их имущество», как определил высшее благо Чингисхан? Или чтобы спастись «алчущим и жаждущим правды» (Нагорная проповедь)? Или чтобы уравнивать порок и добродетель, добро и зло? Сегодняшний мир Европы поражает нравственным релятивизмом. По сравнению с коммунистическим СССР и его чисто материальным эгалитаризмом современная Европа куда глубже опустилась в «культуру, движимую всепоглощающей страстью к равенству», как охарактеризовал ее Франсуа Фюре.

Ценностный нигилизм – и есть конец истории. Поэтому для Европы заканчивается эпоха культуры как порождения духа. Остается технократическая цивилизация. Это уже не метафизический «Рим», где свершается вселенское противостояние добра и зла. Это – Рим языческий, с его паническим страхом перед физическим несовершен-

ством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством – водопроводом, термами, Колизеем, его демократическим Форумом – уже был сметен Аларихом Вестготским. Сегодня технократия бесстрашна перед мигрантами не потому, что их много и они иные, а потому, что у нее самой нет святынь.

Что же Россия? Что стоит за идеей ее новой модернизации?

Двойственность природы России выразилась в парадоксальном опыте последних трех веков. Россия по собственной инициативе регулярно переживала волны «вестернизации». Но все, заимствованное у Запада, перерабатывалось Россией по-своему и рождало нечто свое. В итоге это лишь воспроизводило дилемму.

В XX веке так произошло сначала с западным марксизмом на российской почве, преобразованном до неузнаваемости, а затем – с либерально-демократическими реформами 90-х годов. Их сугубо нигилистический и гедонистический дух был отвергнут обществом, как только исчезла угроза реставрации надоевшего и исчерпавшего себя социализма. Именно само русское общество востребовало смену мировоззренческих координат и политического спектра.

Западная либертарианская доктрина объявляет чуть ли не главной проблемой отношений России и Европы пресловутое несоответствие России западным стандартам демократии. При этом самые громкие адепты новой мессианской идеи не скрывают своей нетерпимости, заимствованной у недавнего идейного соперника – коммунизма. Так, левый дух с претензиями на трон в «царстве человеческом» блуждает с Запада на Восток и обратно подобно идее метафизического Рима в предыдущем споре о христианской истине!

Бессмысленно отрицать, что нынешний российский политический режим в своем функционировании отличается от европейской модели. Сами русские считают его нуждающимся в последовательном совершенствовании. Но для русских он несовершенен вовсе не потому, что непохож на Европу, а согласно собственным критериям, которые в чем-то совпадают, но в чем-то сильно отличаются от тех, что нам навязывают. Тем не менее нынешняя система России, безусловно, построена на демократических основах, на идее фундаментальных индивидуальных свобод. А пороки и грехи любой политической системы бывают двух свойств – законотворческого и правоприменительного, что особенно характерно для всей истории России. Однако европейцам следует признать, что российское общество, сделавшее собственный демократический выбор, предпочитает государство, основанное на исторической традиции сильной централизованной власти, способной контролировать процессы на огромной территории с невиданной многоукладностью и разницей в развитии.

Серьезные социологические исследования показывают, что в российском социуме сформировался консенсус относительно того, что историческая модель России должна иметь прежде всего национальный характер. Некоторое разочарование в «европейском выборе» обусловлено среди прочего и крепнущим убеждением в том, что в своих отношениях с Россией сами европейцы в целом руководствуются чисто эгоистическими мотивами. При этом никакой враждебности к Европе россияне не проявляют. Да и разве процессы в мире не демонстрируют: демократия, распространяясь по миру, обретает совершенно разные формы точно так же, каким многоликим сегодня являет себя капитализм.

Именно в этом смысле мы подходим и к идее модернизации России.

Две крайние позиции – «развитие только по западной модели» и «развитие исключительно самобытное» — уже опровергнуты опытом и одинаково губительны для России. За века послепетровской модернизации Россия усвоила многие из отдельных нужных ей элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.п. и еще нуждается в освоении ряда западных достижений.

Тотальный нигилизм по отношению ко всему русскому постсоветских западников побудил их следовать устаревшей теории модернизации в линейном прогрессе. Они убеждали в правильности и неизбежности стадии первоначального накопления капитала, описанной Фернаном Броделем. Попытки имитировать прошлое Запада и догонять его лишь сдвинули Россию на периферию. «Догоняющая» модель модернизации создает лишь островки. Таковы Москва и Санкт-Петербург, отличающиеся от российской провинции и образом жизни, и сознанием. Эти анклавов могут побуждать к модернизации, но они создают недопустимый уровень социального неравенства, разрушают единство нации, которая распадается на разные цивилизации и теряет исторические ориентиры.

Модель «догоняющей» модернизации давно обнаружила свою ограниченность. Новые концепции мировой науки отрицают единый образец развития. Национальные культуры сегодня повсеместно перемалывают капитализм, а раньше думали, что капитализм способен перемолоть все культуры. Сейчас наступила эпоха национальных модернизационных проектов.

Глобализация положила начало неотвратимой социальной трансформации самого Запада. Для остального мира глобализация давно не синоним модернизации, ибо ча-

сто оборачивается прогрессирующим отставанием. Простое подражание Западу не способствует модернизации. Сегодня надо искать собственную незаменимую нишу, быть лучшим хотя бы в чем-то или уникальным.

Известно уже несколько опробованных путей развития. Первый путь — вестернизация без модернизации — это сугубо поверхностное принятие западных принципов без глубокого усвоения западной культуры и распад собственных культурных традиций. Такое общество называют разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития, — Египет и Филиппины.

Второй принципиально новый, но уже опробованный путь — это модернизация без вестернизации. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Япония с 50-х годов. Их элиты, стремясь к модернизации, адаптировали ее к своей культуре, а не наоборот.

Опыт модернизации без вестернизации относительно успешен, но и он ограничен в своих возможностях. Наиболее адекватной формой развития обществ сегодня представляется национальная модель модернизации на основе дозированной для каждого общества вестернизации.

Абсурдно отрицать, что Россия еще много может и должна позаимствовать и развить у себя из западного опыта. Но это не дает оснований утверждать, что мы должны «догонять» Запад или развиваться по западной модели, тем более что Запад — сам на пороге неотвратимых перемен.

Итак, национальная модель модернизации — тот тип развития, который диктуется нуждами основной геополитической единицы современности — национального государства. Сегодняшние представления социальной науки

о многообразии «модернизмов» принципиально отличаются от «классической модернизационной теории», готовой признавать лишь «национальную специфику» в «едином» процессе. Раньше Запад считался единственным образцом, а эмпирические несовпадения с ним трактовались как «незавершенная» или «неуспешная» модернизация. Сегодня же один из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадт полагает, что в условиях глобализации Запад, сам претерпевающий трансформацию, уже не может оставаться универсальным образцом развития.

Развитие Китая, Индии опровергает тезис о непрременной тотальной вестернизации как условии модернизации. Перед человечеством опять новое «Новое время» с подъемом национальных моделей развития, и Запад неизбежно становится лишь одной из них.

Никто в России не оспаривает достоинства «рынка» и необходимость демократии. Просто это всего лишь инструмент, а не историческая перспектива. Именно в России, похоже, единственной во всей Европе, все еще не утихает подлинно исторический спор: живем ли мы для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем... Пока это нас волнует, — не будет конца истории.

Без излишней вестернизации, но открытым ко всему полезному для нас будет развиваться и российский модернизационный проект с учетом целей и ценностей национального бытия.

Поэтому, наверное, пора оставить бесплодные иллюзии: Россия будет сохранять, развивать и приумножать как свою «европейскость», но так же и свои фундаментальные особенности. Россия никогда не станет Западом! Русские не видят в этом никакой проблемы для взаимоотношений — они привыкли уважать инакость других и

ждут от демократов того же. Но проблема – в агрессивном мессианизме европейских левых либералов. Однако разве подлинная демократия не предполагает в качестве основополагающего принципа право народа на свободный выбор? Это право России и русских на своеобразие собственного исторического пути.

Сейчас, как никогда, значимы и метки суждения Жака Ле Гоффа, одного из крупнейших историков школы «Анналов». Он видел перед совокупной Европой задачу, которую «ныне предстоит осуществить европейцам Востока и Запада в объединении обеих половин, вышедших из общего братского наследия единой цивилизации, уважающей порожденные историей различия».

Я же убеждена, что будущее России – это будущее Европы, и наоборот!

Хауке Ритц¹⁵

Утраченное культурное единство Большой Европы и новая холодная война¹⁶

В XIX веке весь Европейский континент, включая Россию, был в культурном отношении неразделим. Существует ли сегодня возможность вновь найти общий язык? Чтобы понять это, необходимо ответить на другие вопросы. Какие духовные традиции в первую очередь определяли европейское единение? Что именно развело пути развития запада и востока Европы? Почему сегодня, через 25 лет после падения Берлинской стены, их отношения зашли в тупик? Суть проблемы в том, что за годы холодной войны Запад пережил колоссальную культурную трансформацию, которая серьезно затронула две главные составляющие европейской культуры. Не осознав этот факт, вести разговоры о Большой Европе бесполезно.

Очевидно, что совокупный вес Европы в мире неуклонно сокращается. И конфликт внутри самой Европы может лишь ускорить этот процесс. Кроме того, нельзя допустить, чтобы континент, переживший столько войн в

¹⁵ Хауке Ритц – немецкий философ и политолог, доктор философии, специалист по философии истории, приглашенный лектор факультета глобальных процессов МГУ, участник форума «Петербургский диалог».

¹⁶ Впервые опубликовано на портале «Перспективы» 20.04.2016. URL: <http://www.perspektivy.info/>

прошлом, вновь утратил стабильность и, возможно, даже стал ареной Третьей мировой войны. Вот почему идея Большой Европы важна, как никогда. Но как бы безотлагательна она ни была, приходится признать, что о «Европе – от Лиссабона до Владивостока» чаще всего говорят так, будто никто по-настоящему не верит в это понятие.

К примеру, если западные политики обсуждают идею Большой Европы, они обычно имеют в виду исключительно продвижение на восток западной политической системы и западных культурных ценностей. И в основном речь идет о политической системе, построенной на Западе после Второй мировой войны. При этом там редко раздумывают над тем, что Россия – в силу культурных особенностей, о которых я скажу позже, – просто не может принять эту концепцию.

Нечто подобное происходит и с российской стороны. Здесь идею Большой Европы представляют как сугубо прагматические отношения, основанные на экономических интересах, либо как отношения, уходящие корнями в классическую европейскую культурную традицию. Однако ни то ни другое не находит понимания на Западе. Европейские политики предпочитают не слышать отсылки к старым традициям – ведь Европа отказалась от этих традиций под влиянием Америки. Идея чисто прагматических экономических связей также не встречает отклика, потому что после 1989 г. геополитически влиятельные круги Запады сформулировали для себя масштабную стратегию, далеко выходящую за пределы экономики и имеющую колоссальные последствия для культуры. Но культурная составляющая западной экспансии больше не связана с классическими европейскими традициями. Напротив, теперь она представляет систему ценностей нового типа, которая выросла из поп- и лайфстайл-культуры, возникшей на Западе начиная с 1968 г.

Надежды Москвы на то, что Запад в какой-то момент осознает взаимные экономические интересы, связывающие его с Россией, понятны. Однако, чтобы дожить до этого, России крайне важно понять, что на самом деле представляет собой западный мир. В частности, в современной западной политике есть псевдорелигиозные мотивы, к которым доводы разума неприменимы. И вся эта риторика об «избранном» западном мире в ближайшее время никуда не исчезнет.

Таким образом, разговоры о Большой Европе в большинстве случаев ведутся заведомо не всерьез. В обозримом будущем ни Россия не станет частью Запада, ни Запад не сможет, да и не захочет, смотреть на вещи под другим углом. Мы находимся в тупике, и признать это – значит быть реалистом. Но это не повод, чтобы унывать или отчаиваться. Вполне возможно, еще настанет время, когда перспектива Большой Европы станет реальной. А сегодня важнее сосредоточиться на вопросе, как взаимоотношения России и Запада зашли в этот тупик.

Прежнее культурное единство Европы

Если вернуться на некоторое время назад, можно увидеть, что культурное единство Большой Европы – вовсе не недостижимый идеал, а нечто реально существовавшее. В XIX в. весь Европейский континент был в культурном отношении неразделим. Революционный порыв того времени не обошел стороной ни одну из европейских наций. Жаркие споры о философии XVIII–XIX вв. велись повсюду от Москвы до Лиссабона. Произведения французской и немецкой литературы читали и анализировали в России, русскую литературу ценили в Центральной Европе. Кажется, континент существовал как единый организм, и изменения в одной его части вскоре сказывались

во всех остальных. Так длилось на протяжении как минимум столетия, от Венского конгресса до начала Первой мировой войны. Томас Манн запечатлел эту эпоху единой европейской культуры в романе «Волшебная гора», где в интернациональной атмосфере швейцарского санатория европейцы всех мастей вели философские дискуссии о будущем Европы.

Существует ли сегодня хоть какая-то возможность вновь найти общий язык, на котором говорила Европа тогда?

Чтобы понять это, необходимо ответить на другой вопрос: какие духовные традиции в первую очередь определяли европейское единение? Бесспорно, русская революция 1917 г., последующий подъем фашизма в Центральной Европе и, наконец, холодная война развели пути развития Востока и Запада. Что же случилось с нами на этих разных путях? Почему сегодня, через 25 лет после падения Берлинской стены, мы оказались там, где мы есть?

Мой тезис заключается в следующем. За годы холодной войны Запад пережил колоссальную культурную трансформацию, которая серьезно затронула две главные составляющие европейской культуры. Не осознав этот факт, вести разговоры о Большой Европе бесполезно.

Две главные составляющие европейской культуры

1. История

Очень часто мы смотрим на европейскую культуру изнутри. И тогда нам кажется, что республиканские ценности и права человека – краеугольный камень европейской культуры. Но если отступить на несколько шагов и посмотреть на историю Европы извне, станут очевидны другие важнейшие черты. На мой взгляд, наиболее уди-

вительными, выдающимися особенностями европейской культуры – теми, благодаря которым Европа останется в веках, являются европейское понимание истории и европейское понимание искусства. Другие элементы – республиканские ценности, верховенство закона тоже неотъемлемы от европейской культуры. Но эти черты не уникальны. Похожие формы организации встречаются не только в Европе.

В плане истории европейцев отличает особое восприятие времени. Это – линейное восприятие, которое изначально возникло в иудейской религии и затем в течение 2000 лет утверждалось христианством. Время понимается как история Спасения, имеющая начало и конец. Начало – исход евреев из Египта, конец – приход Мессии. Или же начало – распятие и воскресение Христа, а конец – его второе пришествие в день Страшного Суда. Или русская либо французская революция – и затем окончательная победа революционных идей. Что считать началом, а что концом, может определяться по-разному. Понимание может быть религиозным или секулярным: центральной идеей может быть спасение или прогресс. Однако то, что история представляется линейным процессом и человеческая жизнь должна играть свою роль в этом движении, есть незаменимая краеугольная основа европейской культуры¹⁷.

Люди многих культур пытались найти связь между собой и вечностью. Но пути такого поиска в разных культурах неодинаковы. У народов Азии часто практикуется способ существования, предписывающий отстранение от всего скоротечного. В европейской культуре, по существу, люди заняты прямо противоположным, пытаются нащупать связь с вечностью через непостоянство. Пред-

¹⁷ Taubes J. Abendländische Eschatologie. Bern, 1947.

ставители азиатских культур часто пытаются бежать от пут земной суеты, например, с помощью медитации. В Европе же получил развитие иной подход: земная жизнь здесь воспринимается как должное, и борьба с земными путями возможна лишь в пределах самой этой жизни. Европейская цивилизация выработала традицию, в которой преодолевалось противоречие вечного и смертного. Человек, воспитанный в европейской традиции, стремится приобщиться к вечности, вовлекаясь в быстротечность времени, видит в мимолетности всех явлений свершение истории в ее целостности, с ее началом, концом и общим смыслом¹⁸.

Как Иисус несет свой крест, как верующий христианин несет в себе всю боль и скорбь земной жизни, так европейская культура несет крест самой истории, какой бы мимолетной и несовершенной ни казалась реальность текущего времени. Не случайно именно Европа подвигла другие народы войти в историческое измерение¹⁹. Многие из них жили в почти доисторической системе, в которой время уподоблялось бесконечному вращению колеса. Приход европейцев часто приносил этим народам множество бед: геноцид, болезни, рабство, разрушение местного уклада и традиций. Однако, нередко действуя жестоко и грубо, европейцы вместе с тем помогли этим народам осознать историческое измерение и войти в него. Тот факт, что Европа дала толчок историческому развитию, является несомненной заслугой европейской культуры перед человечеством, несмотря на обратную сторону, которую мы все сегодня признаем.

¹⁸ Heinrich K. Parmenides und Jona – Ein religionswissenschaftlicher Vergleich // Parmenides und Jona – Vier Studien über das Verhältnis von Philosophie und Mythologie. Frankfurt a. M., 1982.

¹⁹ Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen // Sämtliche Schriften. Bd. 2. Stuttgart, 1983.

Восприятие времени, присущее европейской культуре и позволившее Европе сыграть в истории такую роль, разумеется, отразилось также на политическом устройстве нашего континента. В этой связи можно упомянуть такие (часто неверно употребляемые) термины, как «демократия» и «республика». Однако необходимо отметить, что в основе лежит именно европейское восприятие времени и истории. Без него никакой западной политической культуры вообще бы не было²⁰. Поэтому объявить конец истории, как это сделал Френсис Фукуяма в 1989 г.²¹, и одновременно сослаться на республиканскую систему ценностей – это либо глупость, либо подмена понятий.

2. Искусство

Другая важная составляющая европейской культуры связана с искусством. Почему именно с искусством? Дело в том, что в большинстве других культур искусство понимается во многом иначе, чем в Европе. Там искусство либо играет декоративную роль, либо является частью религиозного культа. Только в Европе искусство было удостоено иного назначения. Только здесь художественное творчество стало восприниматься как отдельный способ передачи знания. Искусство, наряду с философией, естествознанием и богословием, стало одной из почитаемых областей учености. Ничего подобного не было ни в одной другой культуре²².

Сегодня можно сказать, что это определило вектор развития европейской культуры в целом. Ведь мысль, выраженная в искусстве, менее логична, однако именно потому гораздо более характерна и самобытна, чем знание,

²⁰ Taubes J. Die Politische Theologie des Paulus. München, Paderborn, 1993.

²¹ Fukuyama F. The End of History // The National Interest. Summer, 1989.

²² Heinrich K. Der Untergang von Religion und Kunst in Wissenschaft // Floß der Medusa. Frankfurt a. M., 1995.

высказанное в научной или даже философской форме²³. Благодаря своему особому значению, искусство помогло сгладить негативные последствия научно-технической революции с ее жестко-технологичным и сугубо прикладным подходом к действительности.

Европейское восприятие искусства оказалось еще и противовесом упадку христианской религии, переживавшей глубокий кризис в связи с научно-технической революцией. Таким образом, можно утверждать, что европейское искусство, с момента своего зарождения и до недавнего прошлого – по крайней мере до середины XX века, играло роль спасательной шлюпки для христианской системы ценностей, поскольку христианство было попросту слишком важно для цивилизации, чтобы забыть о нем, но и слишком своеобразно, чтобы стать доказанным фактом в научно-ориентированной культуре, получившей развитие в эпоху модерна²⁴.

Вот почему с периода Возрождения до XIX в. мы видим взлет феномена, названного Гегелем «Kunstreligion» («Религия искусства»), когда произведение искусства и мастер, его создавший, становятся предметом культа, подобного религиозному. Это религиозное отношение к искусству, вместе с появившимся тогда же понятием философии истории, объединило европейскую культуру – впервые после Великого церковного раскола 1054 г. А первый вариант того, что мы называем Большой Европой, возник в XVIII в. и существовал до начала XX столетия, объединяя пространство от Иберийского полуострова до российского Дальнего Востока. Происходившее было, по сути, секуляризацией христианства и потому неразрывно связано с христианством. Если Бог стал человеком в теле

²³ Adorno Th.W. Ästhetische Theorie. Frankfurt a. M., 1995.

²⁴ Adorno Th.W. Zum Ende // Minima Moralia. Frankfurt a. M., 1997. S. 283.

Иисуса Христа – значит, и человек несет в себе нечто божественное. А значит, и человек может стать создателем хотя бы произведения искусства²⁵. К тому же произведение искусства само по себе виделось частью откровения, поскольку оно открывало божественную природу языка, который Бог, с его способностью творить изреченным словом, оставил своим творениям.

Именно эта вера лежала в основе религиозного почитания искусства, охватившего всю Европу. Подобное отношение было особенно характерно для областей, исповадовавших православное христианство, где иконография еще раньше внесла свою лепту в общее понимание взаимоотношений Господа с его творением. Мысль о том, что божественное может проявиться в произведении искусства, здесь была гораздо привычнее, чем там, где главенствовали католическая и в особенности протестантская церкви. Этим объясняется и тот факт, что связи России с Европой, установленные во времена Петра I, поддерживались, в частности, путем взаимного обмена произведениями искусства, музыки и литературы.

Провал экспансии европейской культуры на Запад

Ключевой вопрос нашего времени заключается в том, бесследно ли исчезла эта традиция, оставив о себе лишь память, подобно древнему миру, или ее можно хотя бы частично возродить. Ведь если традиция не может быть восстановлена – значит, культурное единство европейского континента в обозримом будущем недостижимо. Республиканские ценности как таковые – несмотря на то что политики то и дело на них ссылаются – не смогут стать объединяющей основой.

²⁵ Heinrich K. Götter und Halbgötter der Renaissance // Floß der Medusa. Frankfurt a. M., 1995.

Прежде всего эти ценности даже на Западе остались не более чем фасадом²⁶. В последние десятилетия западный мир произвел над собственными народами множество психологических операций²⁷. Более того, сегодня он вполне открыто отрицает право на частную жизнь. Поэтому западный мир уже не может с полным основанием представлять себя воплощением республиканских ценностей. Европа и в особенности Соединенные Штаты уже вошли в постреспубликанскую эру. И даже если эти ценности все еще существуют, без европейского понимания истории и искусства они теряют опору²⁸.

Что же произошло с этими краеугольными камнями европейской культуры? Почему они были в целостности в начале XX в., но не сохранились к концу столетия? Ответ нужно искать, в частности, в истории холодной войны.

Для понимания того, что произошло, необходимо осознать, что Европа, с географической точки зрения, имеет два крыла: Россия – крыло европейской культуры на Востоке, США – на Западе. Восточная экспансия происходила под глубоким влиянием православного христианства, наследия Византии, в то время как западная – под влиянием кальвинистского варианта протестантизма.

Несмотря на то что Россия – многоэтническое государство, в этой стране сложилась культура, очень похожая на культуры традиционных европейских национальных государств, таких как Франция и Германия. Соединенные Штаты, напротив, никогда не являлись настоящим национальным государством, с самого начала будучи плавильным котлом наций. Так что американская культура не могла

²⁶ Crouch C. Post-Democracy. Washington, D.C., 2004.

²⁷ Ganser D. NATO-Geheimarmee in Europa – Inszenierter Terror und verdeckte Kriegsführung. Zürich, 2008.

²⁸ Taubes J. Theologie und politische Theorie // Vom Kult zur Kultur. München, 1996.

развиться во внутренне сложную систему, столь типичную для европейских национальных государств, включая Россию. Более того, американская культура возникла из необходимости создания общей основы, способной объединить миллионы иммигрантов из разных стран. Этой общей основой стала так называемая американская мечта – в сущности, форма индивидуализма, сложившаяся под воздействием кальвинистской веры в то, что Бог заранее определил, кто спасется, а кто попадет в ад. К тому же американское государство создавалось приблизительно тогда же, когда формировался капитализм в его современном виде. Поэтому докапиталистических ценностей, способных уравновесить огромное влияние капитализма на культуру, там было слишком мало. Можно сказать, что американская культура стала первой в мире поистине капиталистической культурой²⁹.

Все это оказало воздействие на ранее упомянутые главные составляющие европейской культуры в США. Европейское восприятие искусства там так до конца и не прижилось, несмотря на то что начало XIX в. было в этом смысле многообещающим. Европейское отношение к истории также не утвердилось. Вместо этого протестантские церкви, поддерживающие ярко выраженный индивидуализм, проложили дорогу сугубо приватной интерпретации христианской истории спасения. Наконец, сама по себе молодость американского государства вкупе с географической изолированностью континента привели к тому, что история не осознавалась американцами как мировая реальность. Таким образом, в XX в. в США утвердилась культура, вообще не имеющая прочной связи с историей и нацеленная, по-видимому, на жизнь в

²⁹ Adorno Th. W. Kulturindustrie – Aufklärung als Massenbetrug // Dialektik der Aufklärung – Philosophische Fragmente. Frankfurt a. M, 1969.

постоянном настоящем, а не в линейной концепции времени³⁰.

Трансформация европейской культуры в период холодной войны

Когда американцы пришли в Западную Европу после Второй мировой войны, они обнаружили, что европейское понимание истории и времени им незнакомо. Более того, они столкнулись с тем, что подобное философское и политическое видение истории тесно переплеталось с набравшим обороты рабочим движением, с социалистической и коммунистической идеологией. Коммунистические партии в Италии и Франции, профсоюзы и социалистические партии в других странах в то время обладали большим влиянием и имели глубокие корни в обществе. Учитывая геополитическую ситуацию, совершенно естественно, что США видели в этих объединениях потенциальную «пятую колонну» Советского Союза. Они начали искать способ сдержать рабочее движение.

Для этих целей был основан ряд организаций культурной направленности. Одной из них стал Конгресс за свободу культуры, в значительной степени определявший американскую культурную политику в Западной Европе на протяжении первых 20 лет холодной войны и тайно финансирующийся ЦРУ³¹. Среди основных задач организации были создание и поддержка нового левого движения, не связанного с социалистическим и коммунистическим видением мира. Некоммунистические левые силы стали реальностью на втором этапе холодной войны. Ле-

³⁰ Taubes J. *Ästhetisierung der Wahrheit im Posthistoire // Streitbare Philosophie, Margherita von Brentano zum 65. Geburtstag.* Berlin, 1988.

³¹ Saunders F.S. *Who Paid the Piper: The CIA and the Cultural Cold War.* London, 1999.

вые начали все больше заниматься проблемами защиты окружающей среды, прав человека, критики консервативных пережитков, сексуальной либерализации, равноправия сексуальных меньшинств, феминизма, борьбы против дискриминации и пр.³² Многие из этих вопросов, на самом деле, давно являлись частью левого дискурса. Однако теперь они стали краеугольным камнем политической идентичности левых, а социальные вопросы, которым прежде отводилось центральное место, утратили свое значение.

Мы видим, что подобный культурный сдвиг произошел и в искусстве. Конгресс за свободу культуры тратил немалые суммы на финансирование и поддержку новых направлений в искусстве, которые ценились как выражение индивидуальной свободы в капиталистическом обществе. Одним из таких направлений, получившим щедрую поддержку от ЦРУ, был абстрактный экспрессионизм, продвижением которого занимались Музей современного искусства и выставка современного искусства «Документа» (*Documenta. – Ред.*) в Касселе. Абстракция здесь возобладала настолько, что вопрос о соотносительности формы и содержания отпадал. В абстрактный экспрессионизм было уже невозможно вкладывать политический смысл. В этом течении ярко проявилось то, как современное общество переосмыслило идею свободы, которая теперь считается сугубо частным делом³³.

Помимо искусства, объектом американской культурной политики в период холодной войны стала философия. В 1970–1980 годах главенствовали теории, отрицавшие философский смысл истории. Сама традиция филосо-

³² Gottfried P. E. *The Strange Death of Marxism – The European Left in the New Millennium.* Columbia, 2005.

³³ Seppmann W. *Ästhetik der Unterwerfung – Am Beispiel der Documenta.* Hamburg, 2013.

фии истории теперь подвергалась постоянной критике со стороны нового поколения философов-постмодернистов, утверждавших, что история закончилась, как и эпоха великих нарративов. Многие из них отвергали не только идеологию марксизма, но и лежавшие у ее истоков гносеологические принципы, например: то, что история может рассматриваться как линейный процесс; что исторический прогресс в принципе возможен; что история может иметь субъект, будь то рабочий или интеллектуальный класс. Наконец, даже идеи справедливости и истины применительно к истории были оспорены. Утверждалось, что все эти идеи в конечном итоге ведут в ГУЛАГ³⁴.

Гносеологическая атака на марксизм, надо сказать, была успешной: она способствовала пониманию того, что марксизм устарел, что в конечном итоге привело к перестройке в СССР³⁵. Однако в процессе атаки на исторические концепции разрушению подверглись, наряду с гносеологическими истоками марксизма, и гносеологические основы философии Просвещения. Более того, этот поток критики поставил под сомнение весь процесс секуляризации религии, когда-то связавший современность с христианским наследием³⁶. Как следствие, европейская культура в последние десятилетия демонстрирует все более негативное отношение к собственной истории и традициям³⁷. Сегодня в Европе мы наблюдаем ситуацию, когда к другим религиям порой относятся с большим уважением, чем к христианству.

³⁴ Lyotard J.-F. *Randbemerkungen zu den Erzählungen // Postmoderne und Dekonstruktion*. Stuttgart, 1990. S. 49.

³⁵ Зиновьев А.А. *Глобальное сверхобщество и Россия*. М., 2000.

³⁶ Taubes J. *Zur Konjunktur des Polytheismus // Vom Kult zur Kultur*. München, 1996.

³⁷ Gottfried P. E. *Multiculturalism and the Policy of Guilt – Towards a Secular Theocracy*. Columbia/London, 2002.

Все это позволяет утверждать, что экспансия европейской культуры на Запад, в США, не увенчалась успехом. Она не привела к расширению европейского культурного пространства. Напротив, в Северной Америке возник новый тип культуры, заданной капитализмом, – культуры, которую уже нельзя считать европейской. И в силу своего отличия этот новый тип культуры становится со временем все более враждебным по отношению к главным чертам европейской культуры.

Одним из итогов Второй мировой войны стало американское присутствие в Западной Европе. Преступления нацистов, а также холодная война дали американцам предлог, чтобы проникнуть вглубь европейской культуры и трансформировать ее. В наши дни эта трансформация достигла такого уровня, что культурный фундамент и культурное сознание Европы оказались в серьезной опасности и близки к окончательному исчезновению. Только ощутимое снижение американского влияния вместе с новым Просвещением, с учетом прошлого опыта, способны остановить этот процесс. В противном случае культурное разделение Европы, одна часть которой трансформируется под влиянием США, а другая, восточная, поддерживает суверенитет, достаточный для сохранения своих традиций, – такое разделение будет увековечено.

Уже сейчас мы являемся свидетелями того, какие трагические последствия несет утрата двух краеугольных камней европейской культуры. Фактически она ведет к так называемому технологическому нигилизму, когда методы управления природой переносятся на управление человеком и обществом в целом. Когда человек рассматривается всего лишь как «оттиск» природы и заслуживает соответствующего отношения. А вследствие этого высшее измерение человеческой жизни и культуры, когда-то

сформированное христианством, снова оказывается утеряно.

Россия как единственная значительная европейская страна, не входящая в НАТО, до сих пор успешно отражала американские попытки проникновения в культурную сферу. Время покажет, сможет ли она избежать в культурном отношении участи остальной Европы. Если ей это удастся, Россия станет своего рода Ноевым ковчегом для всей европейской культуры.

**La Grande EUROPE des NATIONS,
une réalité pour demain?**

•

Большая ЕВРОПА НАЦИЙ

Сборник статей

Редактор – Е.А. Бондарева

Составитель – Дж. Локленд

Перевод с французского языка – Е.О. Аврорин

Перевод с английского языка – Д.А. Карпущина

Оформление и макет – А.Ю. Никулин

Корректор – Н. Шелудякова

Подписано в печать 19.05.2016. Формат 60x84/16

Объем 8 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 123

Отпечатано ИПК «Астрейя-центр»

+7 (495) 775-45-28